

МЭН ЦИНШУ

ЧЭНЬ ШАОЮЙ - ВАН МИН

Биография. Воспоминания

Мэн Циншу

**Чэнь Шаоюй – Ван Мин.
Биография. Воспоминания**

НФ «Антонио Менегетти»

2019

УДК 929
ББК 63.3(5)

Циншу М.

Чэнь Шаоюй – Ван Мин. Биография. Воспоминания /
М. Циншу — НФ «Антонио Менегетти», 2019

ISBN 978-5-906601-40-7

Эта книга о многотрудной, величественной и глубоко поучительной биографии отца (только библиография его произведений насчитывает более тысячи работ) была написана матерью сразу же после его кончины – в 1974–1978 гг. То суровое время наложило свою печать на содержание книги; в частности, у отдельных ее фрагментов были «полные» и «упрощенные» варианты, последние были необходимы ввиду соображений о безопасности упомянутых в них людей, их родственников и потомков. С того времени прошло еще более трех десятилетий. Теперь эти фрагменты представлены по возможности их «полными» вариантами. Выйдя сейчас впервые из печати, книга предстанет, в частности, перед новым поколением читателей, не видевших и не переживших описанных в ней событий. Книга в любом случае найдет своих читателей, как и они ее – тоже. Именно такие встречи будут лучшей данью памяти о последнем подвиге матери, всей ее героической жизни. Ван Даньчжи

УДК 929
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-906601-40-7

© Циншу М., 2019
© НФ «Антонио Менегетти», 2019

Содержание

От редактора	6
I. Прекрасен был край родимый. В революцию шли все родные	7
II. Детские годы	13
1. Заклад. Заем. Парные надписи	13
2. «Получить образование труднее, чем подняться в небеса»	16
3. «Колесница Чжоу повернула на Восток»[19]	20
4. Как сюцай Сян кота украл	21
5. Отповедь Го Сянтину	23
6. «Едят горошки»	24
7. Большой ходячий гриб	25
8. Листовки против начальника Лю	27
9. «Просвечивающий ум не ведет к долголетию»	28
III. В средней школе	30
IV. Институт. Комсомол. Партия	33
V. Первый раз в Советском Союзе	41
VI. От Гуанчжоу до Уханя	47
1. Через преграды и опасности	48
2. Капитан-реакционер	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Чэнь Шаоюй – Ван Мин.
Биография. Воспоминания
Мэн Циншу (автор, составитель)**

Перевод с китайского языка и редактирование Ван Даньчжи.

© 2019 Ван Даньчжи.

© 2019 Издательство НФАМ.

От редактора

В XX веке была в мире такая профессия: **профессиональные революционеры**. И как бы старательно ни закавычивали эти два слова иные уважаемые авторы в начале нынешнего, XXI века, именно так называли борцов за национальное и социальное освобождение народов, у кого не было в жизни иных помыслов и другого занятия, кроме самой борьбы за достижение ее высокой цели.

Это им еще в 1922 году посвятил Н. С. Тихонов (1896–1979) свою крылатую строфу:

*Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей.*

Среди этих людей были мои родители – отец Ван Мин (Чэнь Шаоюй, 1904–1974) и мать Мэн Циньшу (1911–1983). Их совместная жизнь составила 44 года (1930–1974); 33 года из этого срока (1941–1974, или 75 %) отец прожил (вследствие умышленного подрыва его здоровья) как хронически тяжелобольной человек, а мать неотлучно находилась при нем, выполняя одновременно работу личного помощника, врача, медсестры, санитаря, защитника-адвоката и т. д. Бесперывное противостояние недугам не было, тем не менее, главным содержанием их жизненного пути, но оно действительно было основным фоном быта всей нашей семьи; к тому же, 33 года – это дольше, чем продолжалась Тридцатилетняя война, и равно всему сроку земного пути Иисуса Христа.

Эта книга о многотрудной, величественной и глубоко поучительной биографии отца (только библиография его произведений насчитывает более тысячи работ) была написана матерью сразу же после его кончины – в 1974–1978 гг. То суровое время наложило свою печать на содержание книги; в частности, у отдельных ее фрагментов были «полные» и «упрощенные» варианты, последние были необходимы ввиду соображений о безопасности упомянутых в них людей, их родственников и потомков. С того времени прошло еще более трех десятилетий. Теперь эти фрагменты представлены по возможности их «полными» вариантами.

Выйдя сейчас впервые из печати, книга предстанет, в частности, перед новым поколением читателей, не видевших и не переживших описанных в ней событий. Книга в любом случае найдет **своих** читателей, как и они ее – тоже. Именно такие встречи будут лучшей данью памяти о последнем подвиге матери, всей ее героической жизни.

Здесь и далее, во всей книге, тексты курсивом – от редактора.

Ван Даньчжи
2011 г.

І. Прекрасен был край родимый. В революцию шли все родные

Чэнь Шаоюй (Ван Мин) родился 9 числа 4-го месяца по лунному календарю (23 мая по новому стилю) 1904 г. в городке Цзиньчжай уезда Люань провинции Аньхуэй в семье бедного учителя и служащего магазинчика. Цзиньчжай в то время был маленьким городком уезда Люань. По преданию, во времена династии Сун (960–1276 гг.) одна женщина-полководец во главе своих войск выступила на отражение чужеземному нашествию и, проезжая через это место, уронила шпильку. Поэтому городок раньше назывался «Цзиньча» («Золотая шпилька»); потомки вместо «Цзиньча» стали произносить «Цзиньчжай» («Золотая крепость»).

Цзиньчжай хотя и невелик, с населением из нескольких тысяч человек, но расположен он в ключевом пункте горной системы Дабэ, на стыке трех уездов – уездов Гуши и Шанчэн провинции Хэнань и уезда Люань провинции Аньхуэй. Межевые знаки этих трех уездов были прикреплены на стене как раз напротив дома Шаоюя. Здесь говорили, что «пение петуха на две провинции разносится, а лай собаки в трех уездах слышится».

На севере от городка протекала прозрачная речка Шихэ («История река»). Климат теплый, с четкой сменой времен года. Отсюда крупными партиями вывозили бамбук, древесину, бумагу, железо, древесный уголь и чай, в меньших количествах – порию кокосовидную (лекарственное растение в китайской медицине), желудь (на краситель), а также свиную щетину, баранью шкуру, баранье сало, тунговое масло и прочее промышленное сырье. Ввозили же в основном соль и рис. Городок почти весь располагался на горе, большая часть которой была покрыта вечнозелеными соснами и елями, а также бамбуковыми листьями. О тогдашнем Цзиньчжае 14-летний Шаоюй написал такие стихи:

Стоит Цзиньчжай у Шихэ на берегу,
Народу, с лавками, тысячи живут.
Красуются гордо пред другом друг
Висячий меч и Натянутый лук.¹
Львиная голова да Кошачий грот²
Цепочки горные вместе несут.
А соль и рис к нам плывут —
Каждый месяц на плотах везут.
И каждый год снимают с гор
Криптомерию и бамбук.
Делят три уезда радость одну —
Залаял ль песик, запел ль петух;
Кто разберет, если хочет, пусть:
Там, что ль, Аньхуэй?
А Хэнань – тут?³

Хотя в Цзиньчжае производилось многое, но жители его в подавляющем большинстве своем жили очень бедно. Семья Шаоюя не была исключением. К моменту его рождения его

---

¹ Названия местных гор.

² Названия хребтов местных гор.

³ См. «Ван Мин. Избранные стихи», М., 1979 (на кит. яз.), С. 15–16. Далее приводимые стихи не снабжены ссылками о публикации (см. сс. 763–764).

дед, Чэнь Хэнчжун (по прозвищу⁴ Юйтин), уже больше 20 лет был сельским учителем, занимался также ремеслом – изготавливал бумажные фонари. Отец Шаоюя, Чэнь Цзявэй (по прозвищу Пиньчжи) уже много лет служил продавцом в магазинчике. Двое младших братьев и три младших сестры отца были еще малы, а доходов деда и отца не хватало на содержание семьи из восьми человек. Поэтому самую младшую из сестер отца, девятилетнюю Цинсян, отдали в чужую семью «вскармливаемой снохой».

Но жизнь по-прежнему была очень трудна. Когда Шаоюю было пять лет, отец для облегчения положения семьи занял у хозяина лавки, где он служил, немного денег и сам открыл маленькую лавочку. Отец Шаоюя с 8 до 12 лет пас свиней дома, с 12 до 15 был учеником продавца в магазине фруктов и сладостей, с 15 до 32 лет – продавцом. Теперь он задумал самому попробовать заняться небольшим делом, чтобы поддержать жизнь семьи. Он арендовал у шэньши⁵ Ван Ланчжая помещение и, по примеру деда, открыл бамбуко-древесную лавку⁶ под названием «Чэньтянь цинци»⁷, занимаясь одновременно изготовлением фимиама. Подобные лавочки были известны как «торгующие без капитала, полагаясь на судьбу»: во-первых, самому приходилось искать товар на горах, полагаясь на свои ноги; во-вторых, надо иметь помещение для хранения бамбука и древесины. При этих двух условиях любой человек мог открыть свою лавку. Расходы на перевозку товара оплачивали приезжие покупатели. Когда покупателя нет, то и дело стоит. Поэтому жизнь была всё равно очень тяжелой.

Отец Шаоюя, чтобы немного облегчить бремя своей семьи, тоже был вынужден отдать новорожденную (девятинедельную) дочь Инминь в чужую семью «вскармливаемой снохой». О ней еще пойдет речь дальше, во фрагменте «Большой ходячий гриб».

Однако шэньпи Ван, домовладелец, был недоволен обилием посетителей в доме Шаоюя, где к тому же всюду свалены бамбук и древесина, и выселил всю их семью. Пришлось арендовать дом у семьи тоже с фамилией Чэнь. В этом доме Шаоюй жил с 7 лет до 21 года, когда он навсегда покинул родные места. От этого дома почти ничего не осталось после японских бомбардировок во время войны против японской агрессии.

Исключительно сильное влияние на жителей Цзиньчжай оказали Синьхайская революция 1911 г. и битва при Хукоу⁸. Многие молодые люди тогда вступили в Южную армию Сунь Ятсена и Ли Лецзюня, они вернулись домой только после поражения в битве при Хукоу.

Говоря о родине и семье Шаоюя, нельзя не упомянуть важного периода в истории этого края и некоторых представителей старшего поколения в этой семье. Как известно, Цзиньчжай в свое время стал одной из важных опорных баз Рабоче-крестьянской Красной армии Китая. В 1929 г. трудящиеся массы и революционная интеллигенция под руководством Чжоу Вэйцзюна, Ци Дэвэя, Сяо Фана и др. в результате вооруженного восстания, создали Погрансоврайон Хэнань-Аньхуэй. А под руководством Чжэнь Вэйсяня, Ли Сяньняня, Сюй Хайдуня и др. был создан Погрансоврайон Хубэй – Хэнань. Затем эти районы объединились в Советский район Хубэй-Хэнань-Аньхуэй, имея Цзиньчжай центром опорных баз. Среди главных руководителей этого соврайона были также Цзэн Чжуншэн, Чэнь Чанхао, Сюй Сянцян, Чжан Готао (ставший впоследствии изменником) и др.

Отец Шаоюя был председателем шестого кооператива, занимался заготовками для снабжения Красной армии. Мать его, Юй Шулянь, была хоть и малограмотна, но пользовалась

---

⁴ В Китае, по старой традиции, человек в детстве получал наряду с именем «ученое прозвище» для применения в торжественных случаях.

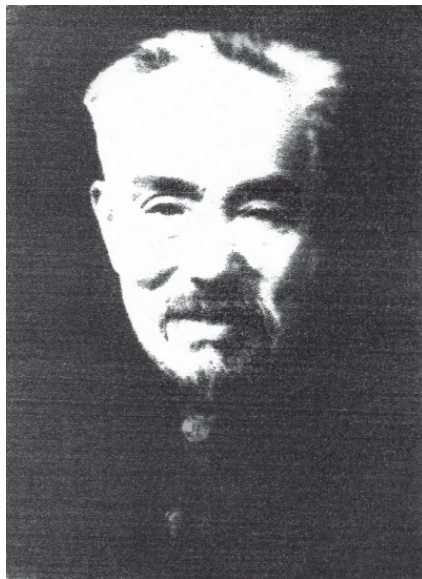
⁵ «Знать» местного уровня.

⁶ Посредническое заведение по продаже бамбука и древесины.

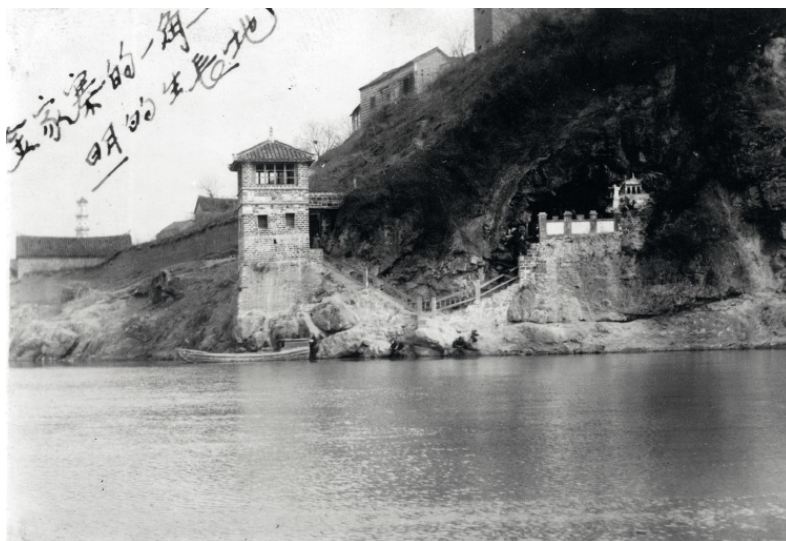
⁷ Буквально: «Чэнь, обожжающие жирафа».

⁸ Город в провинции Цзянси, где в июле 1912 г. генерал-губернатор провинции Ли Лецзюнь восстал против узурпировавшего пост президента Китайской Республики милитариста Юань Шикая.

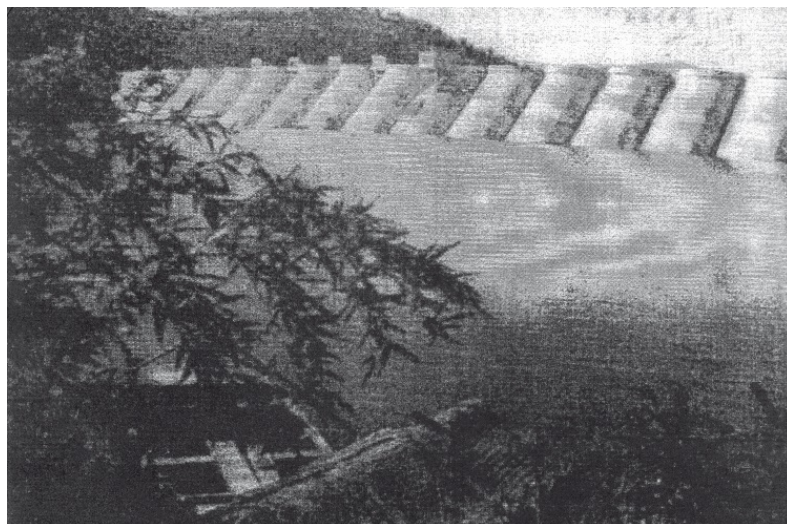
авторитетом среди народа, вела работу среди женщин, являлась директором женской начальной школы.

ф. 1–1 Чэнь Пиньчжи (1877–1957), отец Ван Мина. Пекин, 1957 г.

ф. 1–2 Цзиньчжай, угол «Нижней пристани» на реке Шихэ (фото 1937 г.). Здесь Шаюй жила с семьей с 7-летнего возраста. Этот район (главная база Красной армии Соврайона Хубэй-энань-Аньхуэй в начале 1930-х гг.) навсегда затоплен под акваторию Мэйшаньского водохранилища (с 1956 г.)

ф.1–3 Мэйшаньское водохранилище в провинции Аньхуэй На этой фотографии из журнала «Жэньминь хуабao» («Народный иллюстрированный журнал») Ван Мин записал

01.03.1959 такие стихи:

Мэйшаньское водохранилище —
Вот оно, на картине.
Стала шире Истории река —
Эта родимого края синь.
Осняет теплом ранняя весна —
Какие же знакомые места.
Смеется цветок в тени бамбука —
Над ветром с востока.

Р. С. «Ветер с востока» – излюбленный Мао Цзэдуном (глобально-политический) образ-символ; но он не знал о том, что «Верхняя пристань» на реке Шихэ, где на самом деле родился Чэнь Шаоюй (Ван Мин), всё-таки осталась над уровнем акватории водохранилища и не была затоплена при его строительстве в 1954–1956 гг. (под личным контролем Мао Цзэдуна, с самой высокой тогда в мире многоарочной плотиной).

В Цзиньчжае, как и повсюду в старом Китае, существовала дискриминация женщин, которым запрещалось учиться в школе, а тем более – вместе с мужчинами. В лучшем случае девочкам позволяли учиться до 12-летнего возраста, но не было для них специальных школ.

Мать Шаоюя еще до взятия Цзиньчжая Красной армией начала создавать женскую школу, ведя борьбу с реакционерами. Она сама сидела у входа в школу с палкой в руках, охраняя учениц для спокойных занятий. Она пригласила для преподавания в женской школе Чжан Юйцая и других учителей – подпольных членов КПК. Для Цзиньчжая это было не просто неслыханным ранее событием – мужчины преподавали ученицам, но и служило мерой конспирации для коммунистов-подпольщиков. А реакционеры понимали, что пойти против матушки Чэнь означало бы восстановить против себя подавляющуюся часть цзиньчжайцев. Позже, в советский период, официальные декреты Советов гарантировали равноправие мужчин и женщин, а женская школа находилась под защитой компартии и народной власти.

По своей внешности и складу ума Шаоюй очень напоминал своего деда по материнской линии Юй Хуаньтана (по прозвищу Ливэнь), тоже сельского учителя, известного во всей округе

своим умом и добродушием. Он был хорошим наставником детей, воспитывал учеников умело, без побоев и оскорблений. Большое влияние он оказал на своих детей и внуков. Второй из его сыновей – Юй Чэнжун (другое имя – Юй Ютан) и третий – Юй Чэньсюй (Юй Сяотан) стали членами КПК. Юй Чэнжун был секретарем райкома КПК. После ухода главных сил Красной армии из Соврайона Хубэй-Аньхуэй-Хэнань он был схвачен врагами, которые проделали ему в нос веревку и водили по улицам для устрашения населения. Он принял мученическую смерть: ему сначала отрубили руки и ноги, затем – голову. Юй Чэньсюй был политруком роты Красной армии. Погиб, прикрывая отход главных сил Красной армии.

Мать Шаоюя весной 1930 г. вместе с отступавшими частями Красной армии ушла в старую опорную базу Ньюшифань – в 4–5 километрах от Цзиньчжай, где были выше и отвеснее горы, а опорная база была лучше укреплена и имела более длительную, чем в Цзиньчжайе, историю. Когда белые войска были отбиты, она возвратилась в Цзиньчжай вместе с частями Красной армии. Но по пути домой она слегла от переутомления; к тому же несколько дней не могли добыть еду, а тут еще узнала она о гибели двух своих братьев за один месяц. Вскоре по возвращении домой мать Шаоюя умерла от шока.

Отец Шаоюя за период от передислокации 4-го фронта Красной армии в провинцию Сычуань в 1932 г. до кануна Сианьских событий в конце 1936 г. пять раз арестовывался врагами и заключался в тюрьму, подвергался жестоким пыткам. Враги часто угрожали его «закопать заживо», «отсечь голову» и т. п., но отец стойко отказывался давать показания. Смерти он избежал только благодаря заступничеству широких масс местного населения. Был, например, случай, когда за него поручились сразу 64 старосты местных баоцзя⁹.

Относительно спокойно отцу Ван Мина и его детям, находившимся при нем, жилось в период антияпонской войны – благодаря созданию антияпонского национального единого фронта в конце 1937 г. они смогли выехать в Синьцзян, губернатор («дубань») которого Шэн Шицай в течение нескольких лет поддерживал хорошие отношения как с Советским Союзом, так и с КПК.

После нового раскола между Гоминьданом и КПК в 1947 г. гуансийский милитарист Ван Босюн, войска которого дислоцировались в Цзиньчжайе, снова арестовал отца Ван Мина и старшую из его дочерей Цзюэминь, бросив их в заключение сначала в Цзиньчжайе, затем в тюрьму уезда Хошань. Ван Босюн не раз громко выкрикивал угрозу:

– Выведите-ка на казнь отца и сестру этого Чэнь Шаоюя!

Только после освобождения всей страны отец и сестра Ван Мина вышли на свободу. В 1949 г., после освобождения Пекина, первый же новый начальник уезда Цзиньчжай, коммунист, писал Ван Мину: «Дядюшке Чэню очень трудно, практически он жил подаяниями. Сейчас мы его поместили в уездной администрации. Он хорошо знает местную обстановку, может помогать в работе».

Прибыв в Пекин в 1950 г., отец радостно сказал Шаоюю:

– Сынок! Мы каждый день мечтали о победе коммунистов. Наконец-то дождались!¹⁰

К сожалению, 11 мая 1957 г. отец скончался. В то время Канцелярия и Орготдел ЦК КПК похоронили его на Кладбище революционеров Бабаошань вблизи Пекина. Кто мог знать, что в 1966 г. предатель Мао Цзэдун под вывеской «культурной революции» поднимет контрреволюционный переворот, в ходе которого были разгромлены Компартия Китая и органы народной власти, неисчислимое множество коммунистов было убито; могила отца Ван Мина была раскопана, а останки его – выброшены! Если бы отец мог узнать все это, он, наверное, сказал бы: «Не печалитесь, дети! Это – честь для всех нас. Посмотрите, сколько могил павших рево-

⁹ Низшая единица организации населения по принципу «круговой поруки».

¹⁰ В период работы над проектом «Закона КНР о браке» Шао Лицзы бывал в нашем пекинском доме по адресу Переулок Мэнгуифу, дом 2. Отец Шаоюя, Чэнь Пиньчжи, спросил его: «Господин Шао, помните ли Вы свои слова в Синьцзяне?». Шао Лицзы промолчал и удалился. В Синьцзяне он призывал «искоренить коммунистов».

люционеров разрушено Мао Цзэдуном, этим антисоветчиком и антикоммунистом. Народ еще вынесет палачам свой приговор!».

II. Детские годы

1. Заклад. Заем. Парные надписи

С восьми лет Шаоюй принимал участие в труде домашних. Помогал, например, родителям принимать клиентов, брать деньги займы, относить вещи в заклад. А к новогодним праздникам писал на продажу «парные надписи», что давало какую-то прибавку к доходу семьи.

Бамбуко-древесная лавка отца приносила чаще убытки, чем доход, поскольку приезжие покупатели жили в доме хозяина лавки и кормились за его счет; не понравится им обслуживание – в следующий раз они пойдут уже в другую лавку. В поисках товара отец постоянно лазил по горам. Когда приезжали клиенты, отцу приходилось сопровождать их в осмотре товара; часто он настолько уставал, что домой возвращался со стонами и валился с ног от сильной геморроидальной потери крови.

Мать Шаоюя целыми днями готовила у плиты – для клиентов и для всей своей семьи, в готовке ей помогали все дети. В дни везения удавалось не только вернуть затраты на обслуживание клиентов, но и немного выручить на жизнь семьи. В дни же невезения – одни убытки. Поэтому жизнь семьи часто поддерживалась на займах и залогах.

Но родственники и друзья отца тоже были люди очень бедные, среди которых только максимум двое могли давать займы без требования возврата или за небольшой процент. Ростовщики же часто обижали бедняков. Труднее всего бывало перед Новым годом, когда кредиторы приходили требовать возврата долгов. Не имея денег для погашения долгов, отец скрывался, а дети выходили упрашивать кредитора об отсрочке. Иногда какой-нибудь холуй заимодавца, не получив денег, прибежал к рукоприкладству, тогда Шаоюю с сестрами приходилось давать «сдачи». А иной раз дети с дружным криком закрывали ворота и прогоняли кредитора. Хитрые из заимодавцев соглашались давать в долг только тогда, когда в доме Шаоюя проживали клиенты.

Какие вещи можно было закладывать? Их было всего три. Во-первых, молитвенные предметы (курильница и подставка для свечей), за которые при закладе давали 6–7 связок монет. Во-вторых, нефритовый браслет (память о деде), за который давали 4–5 связок. В-третьих, медный чайник, за который давали одну связку. Нередко в дни, когда в доме не было денег на покупку риса, Шаоюй относил эти вещи в обмен на рис. А когда появлялись деньги – выкупал их обратно. Часто подолгу не было денег для выкупа, и эти вещи оставались собственностью хозяина ломбарда.

Шаоюя в возрасте от 5 до 12 лет всегда брали с собой дед и отец, когда ходили поздравлять семьи знакомых с Новым годом. Обходили при этом все улицы и переулки Цзиньчжая, а от Шаоюя добивались выучить наизусть все увиденные парные надписи. Когда в посещаемых ими семьях случались свадьбы, похороны или отмечали дни рождения старших, ему также полагалось выучивать парные надписи, надписи на створчатых ширмах или поминальные тексты. Поэтому Шаоюй сам с девяти лет уже начал сочинять стихи и песенки.

Но уже с восьми лет он начал сам писать парные надписи на продажу, чтобы поддержать семью. Каждый год в течение всего декабря месяца по старому стилю он писал ежедневно до глубокой ночи, при этом сестры помогали ему размалывать тушь и протягивать бумагу. Его детские руки краснели, пухли и трескались от холода, но он все равно должен был писать, ибо продать надписи можно было только до наступления Нового года.

В первый год выручили только две связки монет, поскольку за каждую пару надписей давали только две монеты. Впрочем, в самый удачный год он зарабатывал всего 20 связок монет (или 5 серебряных юаней по тогдашнему курсу). Хотя цифра и невелика, но всё же была помо-

щью семье и себе. Деньги от продажи парных надписей шли у него чаще всего на такие нужды: к Новому году покупал несколько цзиней ¹¹хлопкового масла для обеих бабушек и матери, которые пряли и ткали при масляном светильнике; помогал отцу в новогодних покупках; себе покупал бумагу, кисти и т. п. Так он писал до 20 лет, когда уехал из Цзиньчжая.

В год 12-летия Шаоюя его дяде (пятый из младших братьев отца) Чэнь Цзяхуэю (по прозвищу Хуаньчжи) понадобились деньги для покупки... жены; требовалось всего 100 связок монет (или 25 серебряных юаней). Вся семья, родственники и друзья помогали собирать и занимать деньги, и все же не хватало 2 юаней. Шаоюй отдал дяде 2 юаня, заработанные на парных надписях. Растроганный до слез дядя обнял Шаоюя.

С парными надписями Шаоюя была связана такая история.

Обычно люди сами приходили с бумагой к каллиграфу и просили сделать надписи, но иногда приглашали мастера по надписям к себе домой. Людям, как правило, больше нравилась мальчишечья каллиграфия. Так, в тот год, когда Шаоюю было десять лет, проживавший в западной части Цзиньчжая (у Пруда черного дракона) Ху Цзиань приготовил в своем доме угощения, как полагалось для приема мастера по парным надписям, и пригласил несколько почтенных старцев для компании. Когда стол был накрыт и хозяин пригласил гостей рассаживаться, один из них сказал:

- Нет еще господина каллиграфа. Давайте-ка подождем.
- Он давно пришел, – сказал хозяин.
- Где же? – изумились гости.
- Во дворе. Черепак забивает¹², – ответил хозяин.
- Это те двое детишек?! – спросили удивленные гости.
- Да, именно они! – подтвердил хозяин.

И хозяин пригласил «господина каллиграфа» к столу. С Шаоюем был его двоюродный брат Фу Шаоань, которому было 9 лет. В его задачу входило протягивать бумажную ленту, на которой писал Шаоюй. Гости предложили: кто мастер по надписям, тому и сидеть во главе стола. Но оба мальчика смущенно стояли, не зная, как им поступить. Хозяин подвел их за руки и посадил во главу стола. После трапезы хозяин расставил заранее приготовленные бумагу, кисти и тушь, поставил двум мальчишкам-мастерам две табуретки, чтобы они встали на них, так как стол был рассчитан на взрослых и был слишком высок для детей. И вот, двоюродный брат Шаоюя Фу Шаоань привычно приготовился протягивать бумагу, а Шаоюй встал на табуретку и начал писать парные надписи к Новому году. Почтенные старцы наблюдали. Один из них промолвил:

- Вот действительно почерк ученого мальчика.

К каждому Новому году приходили люди, желавшие пригласить «ученого мальчика» сделать парные надписи. Как говорилось выше, в 20 лет Шаоюй уехал из Цзиньчжая и поступил в институт. Приезжая домой в зимние каникулы 1924 г., он был занят комсомольской работой и больше не имел времени писать парные надписи.

Почти через 20 лет, в ночь на 4 апреля 1943 г., в Яньане у Ван Мина, прикованного к постели отравлением, была к тому же высокая температура из-за ангины; ему плохо спалось. В полудреме ему приснился двоюродный брат Фу Шаоань. По этому поводу он написал тогда стихотворение, которое так и озаглавил – «Во сне вижу двоюродного брата»:

Были мы юны и счастливы
Незатейливой радостью.
Прошло уж с той поры

---

¹¹ Цзинь – мера веса, равная 0,5 кг.

¹² Детская игра с монетами.

Двадцать лет без малого.
Помню, скакали вместе мы
На лошадках бамбуковых,
Запускали в небо синевы
В полет птицы бумажные.
В путь далекий я отбыл,
За моря и света край;
Среди катальп и тутовых
Остался брат стеречь рай.
Нежданной встречей поражены,
Восторг с удивлением пополам;
Слезы текут, всхлипы слышны
И нет сил волю дать словам...

2. «Получить образование труднее, чем подняться в небеса»

Родители Шаоюя считали большим несчастьем то, что они сами были малообразованны. Но в старом обществе для детей из бедных семей получить образование было действительно труднее, чем подняться в небеса! Тем не менее, экономя, как могли, на еде и бытовых нуждах, они сумели дать Шаоюю возможность с 5 до 15 лет, в течение 7 из этих 10 лет, проучиться в частных классах. Перерывы в учебе за это время случались из-за эпидемии чумы или когда не было денег для оплаты учителю. Отец Шаоюя говорил:

– Сынок Юй очень похож на его деда по матери, одарен искрой божьей. Поэтому, несмотря ни на какие трудности, мы решили непременно дать ему возможность учиться, чтобы он стал образованным и сумел бы постоять за бедных людей!

В тогдашнем Цзиньчае еще не было современной школы, приходилось ходить в частные классы.

О жизни в частных классах Шаоюй вспоминал: «В год моего шестилетия отец, как и другие родители, зажег в доме учителя фимиам и свечи, принесенные с собой. Всего собралось девять учеников, которые совершили перед памятной доской Конфуция обряд „три на девять“, то есть трижды становились на колени и девять раз били челом. Затем становились на колени перед учителем и четыре раза били челом. После этого каждый из родителей учеников трижды поклонился учителю со сложенными руками, на что учитель отвечал точно таким же образом. Родители еще приговаривали при этом: „Ребенок ничего не понимает. Просьба к учителю чаще наставлять его“. Этот обряд назывался «поклонение совершенномуудрому»».

«В Цзиньчае метод и содержание обучения в частных классах были примерно такими же, как и всюду в Китае. Вначале для того, чтобы научиться писать иероглифы, применялся такой прием. На твердом квадратном куске из многих слоев бумаги, склеенном в доме каждого ученика, на одной стороне пишется незнакомый ученику иероглиф, а на другой стороне – стихотворение, в котором этот иероглиф встречается. Например, на обратной стороне к иероглифу „доу“ („бобы“) пишутся известные „Стихи за семь шагов“ Цао Чжи:

Варят бобы,—
Стебли горят под котлом.
Плачут бобы:
„Связаны все мы родством!
Корень один!
Можно ли мучить родню?
Не торопитесь
Нас предавать огню!“

На обратной стороне к иероглифу „лоу“ („башня“) было написано стихотворение Ли Бо:

Поднялась башня
На сто чи¹³ ввысь.
Звезду с неба можно
Сорвать рукой;
Не смеем даже громко

---

¹³ Чи – мера длины, равная 1/3 метра.

Здесь говорить,
Боясь небожителей
Нарушить покой.

А на обратной стороне к иероглифу „хэ“ („колос“) – написано стихотворение Ли Шэня:

Он колос лелеет
В поле в полуденный зной.
Пропитана потом
Под колосом этим земля.
Не знаешь о том ты,
Что в яствах на блюде твоём,
В их каждой крупинке
Страданье и горечь труда.¹⁴

Учитель разъяснял ученикам смысл каждого стихотворения».

«Учить писать иероглифы начинали таким методом: сначала учитель учил учеников «рисовать по красному», то есть учитель писал иероглифы красной тушью, а ученики закрашивали их черной тушью. Через два месяца переходили к письму по клеткам – учитель писал иероглифы в расчерченных клетках, а ученики писали по ним сверху на тонкой бумаге. Еще через некоторое время начинали писать через клетку: учитель вписывал иероглифы в клетки, но через одну, а ученики вписывали в оставленные свободными клетки те же иероглифы, что рядом от руки учителя. Что касается содержания переписанного, то оно состояло большей частью из стихов, например, такого типа:

Один раз пошел туда
На два – три ли¹⁵.
Увидел дым из домов
Четырех – пяти.
Затем – башен шесть – семь
Встретилось в пути;
Не меньше восьми цветков,
А может, девяти – десяти.

Или, к примеру, такого рода стихи:

В горы крутые взошел королевич
Бессмертия тайну искать.
Изготовив чудо-зерно, он сумел
В небо девятое попасть.
Пробыл он там, сидя в пещере,
Всего лишь семь дней;
Но тысячи годов на белом свете
Успели пролететь у людей.¹⁶

---

¹⁴ Цит. по «Антологии китайской поэзии», т. 2, М., Гослитиздат, 1957, с. 290. Перевод Л. Эйлина.

¹⁵ Ли – мера длины, равная 1/2 километра.

¹⁶ «Это фантазия древних, постепенно обретающая теперь, однако, реальность» – прим. Ван Мина.

Только после освоения письма „через клетку“ разрешалось самостоятельно тренироваться – писать иероглифы. При этом подражали образцам из специальных альбомов, упражнялись в письме иероглифов различных стилей и размеров».

«В первый же день, когда мы со старшей сестрой пришли на учебу, мы заметили на квадратном столе учителя красную ступку для туши, стойку и банку для кисточек, бумагу и т. п. Но не только все это. Там лежали также три деревянные рейки разных размеров и вязанка из десяти с лишним веток желтого гибискуса. Сестра тихо сказала мне:

– Смотри! Сколько реек и веток, – стало быть, этот учитель часто бьет!

И в самом деле, учитель определил такие правила:

– за каждый неверно написанный иероглиф – три удара рейкой по ладони;

– за каждый неверно прочитанный иероглиф – два удара рейкой по ладони;

– за невыученный или неправильно выученный урок наизусть – от трех до шести ударов желтой веткой».

«Самому старшему ученику было 13 лет. Я был самым младшим. Мы боялись учителя, которого, тем не менее, должны были приветливо называть „почтенным“. Обычно ученики старались в учебе, редко кто-либо бывал избитым. Но однажды, когда учителя не было, и ученики шумели и толкались вволю, вдруг учитель ворвался как старый мустанг. Дергая учеников за уши, он велел всем встать на колени и наградил каждого из них более десятка ударами рейкой. К семи часам вечера, выйдя на улицу после занятий, все ученики прокричали хором:

– Чжан Биньцин¹⁷! Старая обезьяна! Сегодня ты нас больше не побьешь!

Учителю оставалось лишь притвориться глухим».

«Был еще учитель по прозвищу „Ян-живодер“. Раньше он учительствовал в своей родной провинции Хубэй, там избил до смерти ученика, после чего бежал в Цзиньчжай. Он нас учил в тот год, когда мне было 10 лет. „Слава“ его оказалась не вымышленной. На уроках он то и дело швырял в учеников ножницы, ножи, медные пластины и т. п. За каждый неверно прочитанный иероглиф три раза бил по ладошке, отчего ученики все ходили с красными, опухшими руками. Я тогда написал небольшое стихотворение, которое так и называлось – „Ян-живодер“:

На месте учителя
Тюремщик сидит.
Мы все – каторжники,
А вовсе не ученики.
И побои дикие,
И ругань помним мы;
Если живы будем —
Будем отомщены!».

«Но среди учителей были и такие, которые не избивали или редко били учеников. Например, когда мне было девять лет, нас учил Юй Наньсэн, который приходился братом моему деду с материнской стороны. При изучении „Луныя“¹⁸ нам попался фрагмент „Цзай Юй заснул днем“, в котором говорилось:

„Конфуций сказал: Гнилое бревно нельзя гравировать, навозную стену невозможно запачкать“.

Мы с приятелями не были в восторге от этого афоризма, поэтому я тут же написал стишок „Дневной сон“:

---

¹⁷ Чжан Биньцин – фамилия и имя учителя.

¹⁸ Основной литературный памятник конфуцианства, в котором записаны «беседы и высказывания» Конфуция.

Неужели учитель —
Гнилое бревно?
И мы не ученики,
А только навоз?
Кто ж в жару такую,
В полуденный зной,
Сидя, лишенный дремы,
Тупо зрит в окно?

Когда стишок этот переходил из рук в руки учеников, его увидел учитель Юй Наньсэнь. Он только расхохотался:

– Молодец! Молодец, мой Юйчик! Хорошо написал. Действительно, разве можно в такую жару без дневного сна!».

С 12 до 15 лет Шаоюй учился у Ци Таоаня. Это тоже был хороший учитель, который не избивал учеников и умел прививать им интерес к учению. Ученики, под его началом осваивавшие сочинение и стихотворство, быстро прогрессировали; а быстрее всех Шаоюй – к 13 годам он уже мог писать сочинения объемом более 2 тысяч иероглифов в разных стилях – «изъяснения», «суждения», «ответы» (на заданные учителем вопросы) и т. д., а также писать четверостишия и восьмистишия. Учитель уже редко его исправлял.

3. «Колесница Чжоу повернула на Восток»¹⁹

В 35 ли от Цзиньчжай было городишко Динцзяпу с населением примерно в 20 семей. Это городишко в то время относилось к уезду Шуанчэн провинции Хэнань. Недалеко от городишка стояла деревня, которая называлась Чжоцзя сянтан («Звенящий пруд семьи Чжоу»). Жил там помещик и шэньши по имени Чжоу Фуи. Он хоть и был человек образованный, но не получал ученых званий. Был знаменит тем, что приходился отдаленным родственником проживавшему когда-то в Шуанчэне премьер-министру древней империи, тоже носившему фамилию Чжоу, с которым они имели общее фамильное кладбище, которое находилось как раз возле дома Чжоу Фуи. Пользуясь таким «положением в обществе», он вел себя заносчиво, притеснял людей. Нередко он приезжал в Цзиньчжай на паланкине, запряженном тремя носильщиками, всячески демонстрируя свое «могущество». За эту спесивость местные жители прозвали его «Чжоу-бешеный».

Однажды этот Чжоу-бешеный, проезжая через Цзиньчжай, зашел к деду Шаоюя, с которым они виделись в Динцзяпу, поскольку бабушка Шаоюя была оттуда родом. Увидев Шаоюя, Чжоу заявил:

– Говорят, внук твой уже выучил «Сборник ста фамилий» и «Трехсловник». Дай-ка я его поэкзаменую.

Он спросил Шаоюя:

– В каком месте «Сборника ста фамилий» встречается иероглиф Чжоу?

Шаоюй продекларировал самое начало «Сборника»:

– «Чжао – Цянь – Сунь – Ли, Чжоу – У – Чжэнь – Ван».

– А в «Трехсловнике» где упоминается «Чжоу»? – задал Чжоу еще один вопрос.

Шаоюй, хмуро подумав, ответил:

– «Колесница Чжоу повернула на Восток».

Чжоу Фуи, явно раздосадованный, спросил:

– Ну, а где еще упоминается «Чжоу»?

– Нигде, – ответил Шаоюй.

Дед напомнил со стороны:

– Внучек! Ты забыл? Там еще есть: «В Ся был Юй, в Шан был Тан, в Чжоу были Вэнь и У – вот трех династий мудрые правители»?

Шаоюй выпалил:

– Он не Вэнь, и не У, он – Чжоу-бешеный!

Чжоу Фуи был потрясен услышанным и заявил деду:

– Ну и ребенок у тебя! Всего пять лет от роду, а уже такой вредный. Когда вырастет, наверняка станет бунтовщиком!

---

¹⁹ Правитель династии Чжоу (1122-256 гг. до н. э.) Пин в 770 г. до н. э. перенес столицу государства из Хаоцзиня на восток – в Лоян. Принято считать, что с этого времени начались постепенное падение авторитета царской власти и усиление роли удельных княжеств.

4. Как сюцай Сян кота украл

Это случилось, когда Шаоюю было девять лет. В Цзиньчжае проживал сюцай²⁰ по имени Сян Даосань, проживал там также доктор по имени Сюй Ганьчэнь. Доктор Сюй был родом из провинции Хубэй, ему было лет 50, у него не было семьи. Он один прибыл издалека в Цзиньчжай и врачевал здесь. Тихий и честный человек, которого сюцай Сян часто обижал.

Однажды Сян украл у Сюя кота. Сюй всюду искал и не мог найти его. Как-то он обнаружил, что кот в доме Сяна. Но обратиться к Сяну за котом Сюй не решился, так как Сян был не только сюцаем, но еще членом какого-то правления. Сюй только сочинил стихи о пропаже кота:

Нежданно нагрянула беда:
Прямо из Шато сюда
Налетели, захватили
И увезли моего кота.
О, если бы Я-я древний,
Несчастье мое узнал сейчас,
Помог бы мне без сомнения
Отбить и вернуть кота.

Я-я – прозвище мифического героя древности, боровшегося против разного рода несправедливости и тем помогавшего людям. При династии Тан некий принц из племени Шато (на территории нынешнего Синьцзяна) захватил и увез из Китая красавицу-женщину, по поводу чего в одном стихотворении танской эпохи говорилось:

«Красавица из Шато в плену, а среди рыцарей теперь нет древнего Я-я».

Доктор Сюй был общителен, покладист, любил стихотворство. Дети повсюду расклеили его стихи о пропаже кота, все читали их с сочувствием, один лишь Сян Даосань был очень недоволен их появлением, что лишний раз доказывало его причастность к исчезновению кота.

Однажды Сюй снова увидел кота в доме Сяна. Сюй попробовал заговорить с ним об этом:
– Мой кот забежал в Ваш дом...

Не успел он закончить фразу, как получил несколько оплеух от Сяна, который свирепо закричал:

– Да, это я его украл! Ну и что ты можешь мне сделать?! Где твой древний Я-я?!

Сюй не посмел сопротивляться и пошел домой. Он рассказал о своем несчастье детям. В доме Шаоюя было «логово ребятишек», поскольку к нему постоянно приходило больше 20 детей. Шаоюй собрал их и повел к дому Сяна, перед воротами которого они начали скандировать и распевать:

Сян-сюцай, выходи!
Зачем кота крал? Объясни!
Мы пришли тебя допросить.
Смеешь ли ты выходить?
Давай сюда! Давай сюда!
Смеешь ли ты выходить?

Из этих 20 с лишним ребятишек самому старшему было десять лет. Они сидели на земле, пели и отбивали себе в такт деревянными дощечками. Следующий куплет гласил:

---

²⁰ Сюцай – низшая ступень «ученых званий», бытовавших до революции 1911 г., свергнувшей монархический режим.

Сян-сюцай, выходи!
Чего руку распускал? Объясни!
Мы пришли тебя проучить.
Смеешь ли ты выходить?
Давай сюда! Давай сюда!
Смеешь ли ты выходить?

Пока дети пели, собралось много слушателей. Слушал и сам Сян Даосань в своем доме. Вначале до него не доходило содержание детских частушек, но затем дошло. Он выслал продавца своего магазина, чтобы прогнать детей. Но дети не обращали на это внимания и продолжали петь. Тогда вышел сам Сян и сказал:

– Малыш Юй! Уходите вы все отсюда! Я знаю, что ты тут зачинщик во всем. Если не уйдешь, я пойду за твоим папой!

Дети и на него тоже не обращали внимания, по-прежнему пели, отбивая себе такт, и требовали выдачи кота. Вскоре он действительно привел отца Шаоюя и потребовал, чтобы тот побил Шаоюя.

Но отец Шаоюя сказал Сяну:

– Верни кота доктору Сюю, и дети уйдут.

Сян-сюцай не соглашался. Отец Шаоюя предложил детям разойтись по домам на обед, а Сян пусть пока подумает.

На другой день дети снова пришли распевать. Неожиданно вышел Сян-сюцай и предложил:

– Шаоюй! Давай помиримся! Я верну кота доктору Сюю, а вы меня больше не ругайте.

Сян отдал кота детям, которые отнесли его доктору Сюю. После этого «урока» сам Сян Даосань изменился к лучшему. Впоследствии он сочувственно относился к возглавляемому Шаоюем студенческому движению и помогал ему.

5. Отповедь Го Сянтину

Километров 40 от Цзиньчжая находится Кайчуанцзе, где жил крупный помещик Го Сянтин. При династии Цин он преуспевал на государственных экзаменах, добивался ученых званий «цзюйжэнь», «гуншэнь» и т. п., поэтому считался человеком необыкновенно богатым и могущественным в местном обществе. В Цзиньчжае он нередко появлялся в огромном, с голубой бархатной каймой, паланкине на плечах четырех носильщиков, а сам в дорогом халате из лисьего меха и с лисьей шапкой на голове, или же в халате и серой шапке из соболя. Его заносчивые замашки были очень противны всем беднякам. Только немногие богачи смотрели на него с завистью.

В год 10-летия Шаоюя в Хуцзядяне, недалеко от Цзиньчжая, умер пятый из братьев в семье тоже по фамилии Чэнь. Шаоюй сопровождал деда в поездку на траурные церемония, где застал этого помещика Го Сянтина, писавшего на столе траурную надпись в честь умершего. Выводя свою надпись на бумаге, он крутил головой, раскачивался всем телом, читая вслух свое сочинение. Находясь за его спиной, Шаоюй взобрался на стул, чтобы посмотреть, что он пишет. Вдруг Го Сянтин разразился руганью:

– Что тебе надо, маленький хрыч? Прочь! Прочь отсюда! Не мешай!

Когда траурная надпись была закончена, дед, как всегда, велел Шаоюю прочитать ее вслух. Пока Шаоюй читал, подошел Го Сянтин, посмотрел, – оказалось, тот самый мальчик, которого он только что обругал. Он был очень удивлен тем, как гладко и привычно декламировал мальчик. Но когда он подошел вплотную, Шаоюй, подражая его манере, бросил ему:

– Что тебе надо, старый хрыч? Прочь! Прочь отсюда! Не мешай!

Совершенно не понимая, в чем дело, дед спросил:

– Что с тобой? Ты не знаешь, что это – господин Го?

Го Сянтин с горькой усмешкой пояснил:

– Это дитя просто повторило те же слова, которыми я его только что обругал, только поменял «маленький хрыч» на слова «старый хрыч».

Дед все равно ничего не понимал. Го Сянтин подробно рассказал, как он обругал Шаоюя. Дед сказал Шаоюю:

– Немедленно извинись перед господином Го!

Шаоюй сделал вид, что не слышит, глядя куда-то в сторону. Го Сянтин заявил:

– Да ладно! Давай-ка мы с ним помиримся!

Говоря это, он прошел в другую комнату, вынес оттуда две плитки кунжутной халвы и протянул Шаоюю. Но Шаоюй отказался от угощения.

– Мириться можно, халву не буду есть, – сказал он и сразу убежал.

6. «Едят горошки»

В 11 лет Шаоюй вместе с бабушкой (матерью отца) прожил несколько месяцев в семье ее родителей, которые носили фамилию Цзэн и проживали в Динцзяпу, на берегу реки. На том берегу жили десятки семей с фамилией Цзэн – крестьяне-бедняки. Земли у них было мало, прокормиться было невозможно, и большинство из них работало еще носильщиками на пристани, на перевозках товаров. Во всех семьях питались жиденькой кашницей, одежда покрыта заплатами, дома покосившиеся и убогие.

В сезон напряженных работ крестьяне часто оставляли детей на площадке, устланной толстым, до 10 сантиметров, слоем козьего помета. Многие детишки, ползая по этому помету, клали его в рот и съедали – «едим горошки». Никто не обращал на них внимания.

Вернувшись к себе, Шаоюй спросил мать:

– Отчего крестьяне такие бедные?

Мать ответила:

– В Цзиньчае есть поговорка: «Не убьешь бедняков – не станешь богачом». Так что богаты только те, кто убивает бедных!

Шаоюй довольно долго общался с дедом и бабушкой, с отцом и матерью. Все они неизменно осуждали людей, владевших деньгами и властью. В то же время они всячески помогали тем, кто был еще беднее и жил еще хуже – старым, больным, одиноким, сиротам.

Вспоминая о своем детстве, Шаоюй рассказывал:

«Бабушка и мама много рассказывали мне разных историй. А я часто пел им по песенникам. Когда в ходе рассказов или пения встречались императоры, вельможи, чиновники-взяточники, помещики-мироеды и прочие злодеи, они говорили мне: „Юйчик, когда вырастешь, не бери примера с таких людей!“. А когда рассказывалось или пелось о благородных смельчаках, наказывавших богачей и помогавших бедным, жертвовавших собой ради спасения других, они говорили: „Вот, Юйчик, у них учись!“. Эти наставления старших оставили во мне глубокий след. Мне было семь лет, когда произошла Сяньхайская революция. Весть о Учанском восстании и падении цинского монарха дошла и до Цзиньчжая. Люди труда восприняли ее с радостью: „Теперь при встрече с чиновником не нужно больше бить челом и называть его господином“. Многие цзиньчжайские парни ушли в революционную армию, на войну против Юань Шикая и бэйянских милитаристов».

7. Большой ходячий гриб

Однажды летом, во время каникул, когда Шаоюю было 12 лет, отец сообщил ему:

– А ведь у тебя есть еще маленькая сестренка. Ее зовут Иньминь, а молочное имя – Шуанпин. Пойдем со мной, навестим ее. Уже через девять дней после рождения ее отдали семье Люй вскармливаемой снохой. Ей сейчас шесть лет. Она, как и ты, родилась девятого числа четвертого месяца.

Однако в семье Люй спрятали его сестренку, не дали им повидаться с ней. Опечаленными вернулись отец и сын домой. Через несколько дней Шаоюй один отправился на поиски сестры. Подойдя к подножью горы, на которой жила семья Люй, он увидел, как вдали передвигается какой-то огромный гриб. Лишь вблизи он понял, что это была большая корзина, набитая мелкими ветками и сухой травой. Корзина покачивалась, а под ней непрерывно передвигались вперед две маленькие ножки. И только подойдя вплотную, он разглядел под корзиной девочку, на вид лет пяти-шести. Шаоюй взял у нее корзину себе на спину, и спросил, как ее зовут. Девочка ответила:

– Меня зовут Шуанпин.

– О! Значит, ты и есть сестренка!

– А ты кто?

– Я твой старший брат!

Обнявшись, они с плачем и смехом прибежали домой. По дороге Шаоюй рассказал сестренке «историю» ее жизни, которую сам всего лишь несколько дней назад услышал от отца.

– Юй, сыночек, откуда ты привел эту бедную девочку – такую худенькую, маленькую, всю в лохмотьях? – спросила мать.

– Мама, ты внимательно взглядишь: кто это?

Мать взяла девочку за ручку и внимательно посмотрела на нее.

– Ой! Это же моя Шуанпин!

Мать заплакала и не могла больше говорить. Сестренка тоже заревела.

Услышав новость, прибежали посмотреть на сестренку отец и старшая сестра. Они увидели ее в рваной одежде, испещренной дырами; волосы иссушенные, с желтизной, в них копошилось несметное число вшей.

Сестренка прожила дома, в кругу отца, матери, брата и сестры четыре месяца. Семья Люй ее долго искала, но, полагая, что ее сгрызли шакалы, не решались сообщать о ее пропаже ее родителям и родственникам. Позже они обнаружили, что девочка давно вернулась в родной дом, и тогда неловко заявили:

– Вы ее кормили только девять дней, а мы – шесть лет. Вы отдали ее нам «вскармливаемой снохой», потому что сами не могли ее прокормить. Теперь вы должны вернуть ее нам.

Мать, вся в слезах, сказала:

– Вы такие же, как и мы, бедные, трудовые люди. Вы не должны так притеснять ее. Посмотрите – вся ваша семья одета лучше ее, едите тоже лучше. Ей всего шесть лет, а вы заставляете ее работать как взрослая. Свекровь часто ее бьет...

Сама сестренка, прослышав о том, что из семьи Люй пришли за ней, сразу же спряталась. Отец после долгих поисков принес ее на руках к «гостям». Увидев «свекра» Люя, сестренка заревела и закричала, ухватившись крепко за одежду матери, просила не возвращать ее семье Люй. В результате она осталась в доме матери еще больше месяца.

Но однажды, когда сестренка играла на улице, ее схватил свекор Люй и унес домой. Свекровь, увидев ее, сразу же избил ее, строго запретила ей впредь бежать из дома. Тем не менее сестренка все же часто прибегала домой. Как-то отец, приведя ее обратно к свекру и свекрови и поспорив с ними о справедливости, заявил им:

– Если будете еще обижать ее, то больше не приведу ее.

После этого случая свекор и свекровь стали лучше относиться к ней. Позже, во времена Советского района Хубэй-Хэнань-Анхуэй, сестренка Иньминь и ее муж Люй Чанцзы оба стали членами КПК. Муж ее был командиром роты Красной армии, погиб в бою во время Северо-западного похода. Их единственный ребенок тоже потерялся в пути похода. Сама младшая сестра шла вместе с Западной колонной 4-го фронта Красной армии. В провинции Ганьсу попала в плен к войскам мусульманского генерала Ма Буфана, где ее заставляли выполнять тяжелые штрафные работы. Только после достижения сотрудничества между Гоминьданом и КПК (в конце 1937 г.) она прибыла в Яньань. После освобождения страны она работала в Чунцине. О ее судьбе с началом «культурной революции» ничего уже неизвестно.

Выше говорилось, что тетка Шаоюя, третья из сестер отца, Цинсян, в 9-летнем возрасте из-за бедности семьи тоже была отдана «вскармливаемой снохой» семье Лю. При старом обществе говорили: «Выданная замуж дочь – как выплеснутая за дверь водица». Что же говорить о «вскармливаемой снохе» в чужом доме!

В год 15-летия этой тетки Шаоюя ее мать – бабушка Шаоюя попросила привезти ее домой, чтобы взглянуть на нее. Но когда Шаоюй привел ее домой, бабушка уже навсегда закрыла глаза, так и не увидев своей младшей дочери.

8. Листовки против начальника Лю

В Цзиньчжае находилось управление по взиманию лицзиня²¹. Оно было учреждено еще Цзэн Гофанем при подавлении Тайпинской революции.

Официально оно взимало пошлину с населения в помощь цинской армии, воевавшей против тайпинов. До Синьхайской революции начальником управления был маньчжур. Во время Синьхайской революции местное население разгромило управление, а его начальника прогнали. Обрадованные, тогда все думали, что с этим управлением покончено навсегда.

Однако провинциальное правительство прислало нового начальника управления – Лю Чаоаня, который по совместительству стал еще начальником местного миньтуаня²². Таким образом, управление по взиманию лицзиня стало также местом суда.

Лю Чаоань постоянно занимался вымогательством, за взятки мог даже убивать. Жители городка глубоко ненавидели его.

Однажды, – Шаоюю было 12 лет, – после занятий в школе он услышал по дороге домой про очередные злодеяния Лю. Шаоюй со своими друзьями из ребят договорились вывесить листовки против Лю. Всего было написано более 20 листовок, разоблачающих в форме парных надписей неприглядные делишки Лю. Листовки были расклеены всюду: на улицах и в переулках, на воротах и черном входе во двор самого Лю.

Весть об этих листовках быстро передавалась среди людей от одного к другому. Многие сами прочитали. Дед Шаоюя, узнав про листовки, отправился из Верхней пристани в сторону Нижней. Отец Шаоюя, тоже прослышавший о них, направился из Нижней пристани к Верхней пристани. Оба шли и читали расклеенные листовки. Встретившись, отец и сын сказали почти одновременно: «Листовки по большей части написаны Юйчиком».

Во время обеда отец в требовательном тоне спросил Шаоюя, кто написал листовки. Шаоюй не ответил. Дед заметил:

– Молодцы! Против начальника Лю – это всем по душе!

---

²¹ Лицзинь – пошлина, взимаемая с товаров, провозимых внутри страны.

²² Миньтуань – вооруженные охранные отряды помещиков.

9. «Просвечивающий ум не ведет к долголетию»

С девяти лет Шаоюй писал стихи. Его первое стихотворение было приведенное выше – «Дневной сон», оно было направлено против конфуцианского запрета дневного отдыха для учеников. Чтобы написать такое стихотворение, требовалась смелость. К счастью, тогдашний учитель Юй Наньсэн не был склонен к рукоприкладству в отношении учеников, даже согласился с Шаоюем. С 12 до 15 лет Шаоюй учился у Ци Таоаня, который, как уже говорилось выше, был добрым, способным пробудить любознательность у учеников. Шаоюй написал в его честь стихотворение «Хороший учитель»:

Учитель наш не бьющий —
Выходящий из ряда вон.
Как Солнце весной над сливами
И персиками нас осеняет он.
Тремя тысячами учеников
Был Синьтань²³ окружен;
Разве касались их тел
Гибискус и каштан?²⁴

Ежегодно к прилету кукушек учитель задавал ученикам тему «Кукушка торопит пахаря» для сочинения стихотворения. В 1916 году (Шаоюю было 12 лет) учитель Ци Таоань тоже задал эту тему. И вот что Шаоюй сочинил:

Откуда же кукушка может
Земледелия сроки знать?
Летит, поет, половину находит,
Не думая никого в поле гнать.
Частных классов бедный учитель
Смысла сего не сумев понять,
Бездумно тему предложит,
Ученикам велит стихи писать.

В таком стихотворении критике подверглись сразу все учителя частных классов. Даже Ци Таоань взял в руки рейку; но сначала он все же спросил Шаоюя:

– Кто сказал тебе, что кукушка летит и поет в поисках «половины», а не пахаря торопит?

– Мне сказал дядечка – мамин младший брат, – ответил Шаоюй.

Учитель Ци улыбнулся и, отложив рейку, отказался от своих грозных намерений.

В 1919 году 15-летний Шаоюй на заданную учителем Ци тему «Летят гуси в первые заморозки» написал такое стихотворение:

Нефритовая роса холода несет,
Желтеют листья вперемежку с травой.
Шеренгой стройной неба поперек
Пролетают гуси над головой.

---

²³ Место, где Конфуций читал лекции своим ученикам.

²⁴ Ветки гибискуса и рейки из каштана были обязательными в арсенале учителей частных классов инструментами для «воспитания» учеников.

Россыпью в перьях пятна белеют
Или омываются уж снежинок волной?
Кости молодые испытание одолеют —
Первый иней сентябрьской порой.
К смене мест приучены поколения,
Улетают осенью, возвращаются весной.
За южными крепостями и северными селениями
Всюду находят дом родной.
Вот нахлынул ветер встречный,
Изогнулся в клин ряд прямой,
И за горизонтом этот вечный
Исчезает рисунок неземной.

Прочитав стихотворение, Ци Таоань подчеркнул третью и четвертую пары строк множеством красных кружочков, выражая свое одобрение. Его общей оценкой была: «Умница!». Удивительным было то, что учитель сказал еще:

– Юйчик! Все говорят, что ты умен. Посмотри на свое стихотворение, как умно написано! Эх! Только так просвечивает ум из написанного, что, боюсь, это не ведет к долголетию, или тебя погубят злые люди!

Если бы Ци Таоань дожил до 1941 г. и позже, узнал бы об отравлении Шаоюя Мао Цзэ-дуном, то он сам удивился бы своей прозорливости.

III. В средней школе

Год с 15 по 16 лет Шаоюя был бедственным для их семьи. За год умерло трое стариков: прабабушка, бабушка и дедушка (все по отцовской линии). Положение в семье стало очень тяжелым. Не было больше денег для совместного с другими семьями найма учителя, да и все книги, какие были доступны в Цзиньчжае, Шаоюем были уже прочитаны. Очень хотелось ему учиться в средней школе. Однако легко только сказать, но куда же пойти в школу? Как раз в это время, когда, казалось, не было никаких надежд на продолжение учебы, Шаоюй встретился у соседей с Ван Цзыпином (позже он тоже стал членом КПК), который учился в средней школе города Кайфэн. От него Шаоюй узнал, что в средней школе изучают много таких предметов, с которыми он еще не был знаком. Ван Цзыпин сказал Шаоюю:

– Ты усвоил много старых знаний, но теперь этого уже недостаточно.

Эти слова только еще больше усилили желание Шаоюя учиться в средней школе. Позже он узнал, что в уездном городе Люань уже полтора года работает Третья сельскохозяйственная школа первой категории провинции Аньхуэй, которая была ближайшей от дома и, по-видимому, наиболее дешевой по плате за обучение.

Шаоюй обратился к инспектору этой школы Гуй Юэфэну за помощью. Гуй был крупный богач, совсем не желал, чтобы мальчик из бедной семьи получил образование. Он привел множество трудностей: во-первых, требуется свидетельство об окончании начальной школы высшей ступени; во-вторых, необходимо иметь шерстяную униформу; в-третьих, надо сдать экзамены по китайскому и английскому языкам, а также по арифметике. Гуй знал, что у Шаоюя не было свидетельства об окончании начальной школы высшей ступени, что он не изучал английского и арифметики, и тем более у него не было денег на шерстяную униформу. Впрочем, у самого Гуя двое сыновей и близкий родственник тоже не кончали начальной школы высшей ступени, но все они были приняты в эту среднюю школу.

Не имея другого выхода, Шаоюй вынужден был одолжить у 35-летнего Чэнь Цзяляна свидетельство об окончании начальной школы высшей ступени, полученное еще при цинской империи. А его получатель согласно записи именовался «заморским сюцаем». Пришлось также купить у одного дальнего родственника шерстяную униформу. Этот костюм уже много лет не надевался, но за него было затребовано 8 связок медных монет (что соответствовало 2 серебряным юаням). После многочисленных просьб родственник согласился отдать его Шаоюю в кредит. Однако костюм порвался в первый же день носки, поскольку он оказался весь изъеден молью. Но носить его все же пришлось и дальше с грехом пополам. Наконец, у некоего Лю Путана купили старый кожаный чемодан (тоже за 2 юаня серебром). На одном углу чемодана зияла большая дыра, с чем тоже пришлось свыкаться.

С таким багажом Шаоюй отправился в Люань поступать в среднюю школу. Только по приезде на место узнал, что требуется внести плату за место в общежитии, за питание, за учебные пособия, за одежду и т. д. – всего 25 юаней. Перед отбытием Шаоюя из дома отец сумел собрать для него на дорогу только два юаня, взятые взаймы. Всю остальную сумму пришлось одолжить у товарищей по учебе – в Третьей сельскохозяйственной школе, у друзей.

В школе один год он должен был проучиться на подготовительном отделении, затем только перейти на отделение сельского хозяйства. Результат же экзаменов был таков: по китайскому языку отлично; по английскому языку знал только алфавит и простейшие правила сочетания букв – это было усвоено непосредственно перед отъездом из дома; по арифметике знал лишь четыре основные действия. Но все кончилось благополучно.

Учитель, принимавший экзамен по китайскому языку, спросил Шаоюя:

– В каком году вы родились?

– Я не знаю. Знаю только, что родился в год дракона, – ответил Шаоюй.

– Значит, вы родились в 1906 году, – сказал экзаменатор.

Шаоюй поверил ему на слово. Только в 1938 году, встретившись с отцом в Ханькоу, выяснилось, что он родился в 1904 году.

Прошло три месяца со дня поступления на учебу, но отец еще не прислал денег. Ма Болян (помещик, после освобождения страны был расстрелян по требованию местных крестьян), который одолжил Шаоюю сразу 18 юаней, каждый день при встрече с ним ругался:

– Бедняк! Шут гороховый! Денег нет, а тоже учиться надумал!..

Шаоюю было очень не по себе, и вынужден был по возможности избегать его. В это время он написал стихотворение «Летят гуси на Юг»:

Поднимается в августе осенний ветер,
Открываются настежь Ворота гусей²⁵
Спешат птицы перелетные с Севера
Вернуться в края южных морей.
Я хочу, чтоб тепло не сменял холод
На свете среди всех людей
И во все четыре времена года
Всюду бы встречали мы только друзей.

Три с половиной месяца спустя по просьбе отца его знакомый на собственной спине принес в Люань 60 связок монет (стоимостью в 15 юаней). Кому же отдавать долг в первую очередь? Шаоюй решил начать с Ма Боляна. Но тот потребовал непременно сразу же вернуть все 18 юаней. Шаоюй пытался объяснить, что вскоре отец пришлет еще денег, и тогда он отдаст остальные 3 юаня. Ма не соглашался, громко шумел и спорил, чем привлек внимание товарищей Шаоюя по учебе. Все были удивлены: у Чэнь Шаоюя такая бедная семья, а учится он так хорошо... Многие из них сочувствовали ему. Из 25 учеников в классе 12 обменялись с Шаоюем «клятвенной надписью» и считались его «названными братьями». Они стали собирать по юаню с каждого для Шаоюя. Некоторые из них заявили Шаоюю: «Ты деньги не возвращай».

Во время летних каникул Шаоюй побывал дома. Отец сказал ему:

– Юйчик, у тебя очень хорошие отметки, надо бы дать тебе и дальше учиться, но...

– Не переживай, – ответил Шаоюй, – что-нибудь всегда можно придумать.

По окончании летних каникул Шаоюй снова отправился на учебу, имея при себе две связки монет.

В городе Люань был у Шаоюя товарищ по учебе по имени Сюн Ляньцюань, который дружил с ним, а теперь тоже стал его названным братом. Шаоюй помогал ему в учебе. Зная о том, что Шаоюю очень были нужны деньги взаймы, он привел его к себе домой, чтобы познакомить его со своим отцом. Отец его, Сюн Цзечэнь, заведовал «управлением по справедливой торговле табаком и вином» (т. е. налоговое управление) города Люань. Во время обеда в семье Сюнов за столом сидел один гость с бородой, который утверждал, что он знает гадание по чертам лица, добавив при этом:

– Ваш старый покорный слуга занимается этим делом уже больше сорока лет, и ни разу еще не ошибся, ни в одном человеке не ошибся.

Погладив свою бороду, он сказал дальше:

– Цзечэнь, у этого твоего гостя высокий, чистый лоб, правильные черты лица. Это человек с большим будущим.

---

²⁵ Согласно преданиям, с 1-го числа восьмого месяца по лунному календарю начинается вылет перелетных птиц с Севера на Юг через горное ущелье Ворота гусей в провинции Шаньси.

Кто мог подумать, что Сюн Цзечэнь, услышав эти слова бородатого гостя, по собственной воле сразу одолжил Шаоюю 30 юаней, причем заявил, что не берет процентов, а вернуть можно неспеша. В последующие три года помимо средств добытых тяжким трудом отца, Шаоюю часто приходилось занимать деньги у Сюн Цзечэня. Помогали и несколько лучших друзей в школе. Таким путем удалось все-таки окончить среднюю школу.

Отец Шаоюя говорил: «Юйчик мог окончить среднюю школу только потому, что он хорошо учился и имел много друзей. Он всегда был первым учеником не только в классе, но и в школе. Мы были очень бедны. Друзья сочувствовали ему и помогали денежными средствами».

Третья сельхозшкола в Люане была сравнительно хорошо организована. Там преподавали много предметов. Были дисциплины обычной средней школы – китайский язык, английский язык, математика, физика, химия, география, история Китая, мировая география и т. д. Изучали еще восемь сельскохозяйственных предметов: геология, почвоведение, метеорология, растениеводство, садоводство, удобрения, болезни и вредители растений, животноводство. Проходили еще практику по растениеводству. Шаоюй учился отлично по всем предметам, что было совсем не просто. Заведующий учебной частью по сельскохозяйственным дисциплинам особенно ценил Шаоюя, часто хвалил его; по его распоряжению записи Шаоюя на уроках по удобрениям были размножены в качестве учебного пособия для учеников. На обложке этого пособия было выведено: «Прочитано Цзинь Юйхоу, записаны Чэнь Шаоюем».

Однако в обществе того времени усвоенные знания часто не находили применения. Формально, по окончании Третьей сельхозшколы можно было поступить в институт или же работать агротехником в уездном опытном хозяйстве. Но в тогдашнем Китае практически было крайне мало уездов, имевших свое опытное хозяйство. Немного было и мест, где можно было бы продолжать учебу или преподавать. Поэтому окончание учебы означало также стать безработным.

Люань был сравнительно отсталой местностью. Крупных политических движений не было. В Третьей сельхозшколе преподавал китайский язык Цянь Синьцунь (позже он стал известен под своим литературным псевдонимом Ацзя), который был довольно прогрессивно настроен. Он принес дух Движения 4 мая в школу. Он выступал за новую культуру, против догм старых укладов и традиций, пропагандировал стиль байхуа (*разговорная речь*) в литературе и стихосложении, поддерживал постановки пьес с антиимпериалистическим и антимилитаристским содержанием, призывал бойкотировать японские товары. Это происходило во второй половине 1921 – первой половине 1922 гг.

Во время учебы в Третьей сельхозшколе Шаоюй участвовал в организации вечерней школы для неимущих горожан, а также в кампании протеста против реакционного генерал-губернатора провинции Аньхуэй Ма Ляньцзя, по приказу которого был застрелен ученик Первой средней школы Аньхуэя Цзян Гаоци. В знак протеста объявили забастовку все учебные заведения провинции, начались демонстрации. В Третью сельхозшколу приходил ученик Первой средней школы с окровавленной одеждой Цзян Гаоци в руках, рассказал о происшедших событиях и просил поддержки. В Третьей сельхозшколе тоже начались забастовка и демонстрация, были направлены представители школы для участия в конференции представителей учащихся провинции Аньхуэй, созываемой в городе Банпу. Прогрессивные учителя и ученики, хотя и знали уже, что надо бороться против империализма, против милитаристов, против старых догм и обычаев и т. д., но у них было еще туманное представление о средствах и путях спасения Родины. Учителя, преподававшие обычные предметы, говорили, что Родину спасет просвещение; учителя по сельскохозяйственным дисциплинам говорили, что Родину спасет развитие сельского хозяйства; преподаватели физики и химии утверждали, что Родину надо спасать с помощью науки. Никто еще не слышал о марксизме-ленинизме, который только и сможет спасти Китай.

IV. Институт. Комсомол. Партия

В городке Цзиньчжай были два крупных шэньши – Ван Пэйчжи и Гуй Юйцзе. Зная о том, что в 1924 году Шаоюй должен закончить учебу в Третьей сельхозшколе, они решили помешать ему поступить в институт, для чего совместно открыли «лавку по продаже продукции гор». Они наняли бывшего старосту села Чжан Пэйцуня в качестве номинального хозяина лавки, а сами вкладывали в это дело деньги. Вследствие этого у отца Шаоюя дело сократилось более чем на половину – результат конкуренции. Упали и без того скудные доходы семьи Шаоюя.

Но и это не все. Ван Пэйчжи совершил и другую подлость. Семья Шаоюя уже сумела договориться с почтовым отделением в Мапуцзе о том, чтобы пункт его в Цзиньчае находился в доме семьи Шаоюя, которой, согласно правилам, полагалось 8 юаней комиссионных в месяц. Этот шэньши Ван, как только прослышал об этом, тут же послал гонца в почтовое отделение и сообщил, что не позволит размещать пункт в семье Шаоюя, и потребовал расположить его в собственном доме. Доход в 96 юаней в год для Ван Пэйчжи ничего не значил, но если бы эта сумма досталась семье Шаоюя, то ее хватило бы с избытком на плату за обучение Шаоюя за год. Ван Пэйчжи как раз и стремился не допустить поступление Шаоюя в высшее учебное заведение.

Один товарищ Шаоюя по учебе из уезда Хоцю, Кань Жутан, пригласил Шаоюя к себе, в Каньцзяюй, преподавать в начальной школе высшей ступени китайский, английский и арифметику, с годовым жалованием в 300 юаней. Кань знал, что Шаоюй хорошо учился и поэтому мог бы вести сразу три предмета. Шаоюй советовался с родителями: может быть, сначала года два преподавать, накопить денег, а затем поступить в институт? Но отец Шаоюя сказал:

– Раз оба шэньши, Ван и Гуй, чинят препятствия, то в институт надо поступить непременно в этом году! И без денег надо поступить. Пусть они посмотрят!

Отец добавил далее:

– И бедствовать надо с достоинством.

Мать наставляла:

– Надо быть как пион древесный, а не травяной. Смотри: чем хуже пион травяной древесного пиона? Тем, что он бесхребетный – при первом же инее увядает.

Под впечатлением этих слов отца и матери Шаоюй тут же написал и показал родителям стихотворение под названием «Пион травяной»:

Ароматом дивным с бездонных небес
Державы цветка чести достоин он;
Величать вольно с улыбкой и без
Цветов царем другим травяной пион.
Грацией стеблей и лепестков без прикрас
Пиону древесному не уступает он;
Но выпал иней, и красы его поблекли враз,
Остова не имея, хрупок и стойкости лишен.²⁶

Хотя отец и мать оба были за поступление в институт, но все-таки где найти деньги для этого? Шаоюй вспомнил:

²⁶ 46 лет спустя, в 1970 году, Ван Мин написал второе стихотворение о травяном пионе – с целью его «реабилитации», учитывая его способность сохранять живыми свои клубни под землей даже в суровую зиму, которые в следующую весну дают новые побеги (см. Ван Мин. Избранные стихи. М., 1979 (на кит. яз.), с. 438).

– Есть у меня два одноклассника. Одного зовут Не Мэнбо, другого – Чэнь Бижу. Они приглашали меня вместе с ними пойти поступать в институт, согласились дать мне денег взаймы при условии, что я помогу им сдать экзамены, поскольку они учились хуже. В ближайшие дни они должны прислать письмо.

Через несколько дней действительно получили от них письмо, в котором они предложили Шаоюю вместе отправиться в путь. Оба они проживали в Дуннансяне близ Люаня (в 15 километрах от города).

Отец в этот момент был в отчаянии, потому что у него не было ни одного юаня. Мать подошла к своей постели, вытащила из-под подушки семь юаней и сказала:

– Юй, сыночек! Я десятки лет берегла, только семь юаней накопила на черный день. Возьми все. Хоть и мало, но пусть будет на дорогу.

По этому поводу Шаоюй также сразу же написал стихотворение «Семь серебряных монет» (перевод Г. Ярославцева²⁷):

Под подушкой нащупала
семь серебряных юаней.
Мать вручала деньги сыну —
слезы в два ручья струились.
Знаю, кругляки восполнят
недоплату за учебу —
Годы, тяжкими трудами,
по грошам они копились.

Ходил Шаоюй в Лаодянь проститься с дедом Чэнь Путянем – родственником в пятом колене. А у того как раз неожиданная напасть: кто-то опередил его и скупил дом, который он сам хотел и уже договорился было приобрести. Дед говорил по этому случаю:

– Нас обижают потому, что у нас, в роду Чэнь, нет ни денег, ни власти. Желая Шаоюю в будущем занять в Цзиньчжае одно из восьми больших кресел.

Дело в том, что обычно собрание шэньши проводились при восьми креслах. Далее дед заявил:

– На учебу – дело хорошее. Дарю тебе 10 юаней на дорогу.

Однако эти «10 юаней» состояли из связок по 5 мао в каждой и стоили всего 5 юаней. Прибыв к Чэнь Бижу и Не Мэнбо, Шаоюй прожил у них несколько дней и израсходовал эти 10 малых юаней. К тому же Не Мэнбо раздумал поступать в институт, остался один компаньон – Чэнь Бижу. Возможности брать деньги взаймы стало еще меньше.

15 января 1924 года к Шаоюю явился гость – юноша 19 лет по имени Чжань Юйшэн (родом из местечка Чжанцзявань, что в 4 км от Цзиньчжая). Он учился в Первой средней школе города Аньцин²⁸. Он рассказал, что давно слышал о Чэнь Луцине (официальное прозвище Шаоюя) из Цзиньчжая и специально пришел проведать его. Но он вскоре ушел, не посидев, не выпив даже чаю. Он сказал, что на другое утро он должен отбывать в Аньцин.

Не Мэнбо и Чэнь Бижу (товарищи Шаоюя по учебе в Третьей сельскохозяйственной школе, о которых говорилось выше) тоже не знали о том, что в провинции Аньхой нет высших учебных заведений. Все они думали, что, стоит прибыть в Аньцин, и можно будет поступать в какой-нибудь ВУЗ. Только теперь, находясь в Аньцине, Шаоюй и Чэнь Бижу узнали, что здесь нет ни одного института.

---

²⁷ Здесь и далее указание на имя переводчика означает также публикацию в издании: Ван Мин. Избранные стихи. М., 1979 (на рус. яз.).

²⁸ Главный город провинции Аньхуэй.

В Аньцине остановились больше чем на 10 дней. За Чэнь Бижу приехали из дома, и его вернули домой. Шаоюй остался один. Перед отъездом Чэнь Бижу оставил Шаоюю 5 юаней. Что можно делать на 5 юаней? Куда поступать учиться? Спустя еще несколько дней Шаоюй встретил на улице Лю Сяньли – директора Третьей сельхозшколы, который приехал в управление просвещения провинции Аньхуэй за печатью для свидетельств об окончании школы. Он вручил Шаоюю его свидетельство.

Из сообщения в газете стало известно, что управление просвещения провинции Аньхуэй отправляет, после специальных экзаменов, группу выпускников средних школ Аньхуэя в Ухань для поступления в педагогический институт и Высшее коммерческое училище. Оказалось, что в пединститут квота уже заполнена, поэтому оставалось лишь поступать в коммерческое училище. Но кончились деньги. Шаоюй обращался с письмами по разным адресам с просьбой одолжить деньги, но это не принесло никаких результатов. Вдруг ему вспомнился Чжань Юйшэн из Первой средней школы.

Увидев Шаоюя, Чжань Юйшэн сразу же покинул своего бывшего друга и «названного брата» по фамилии Сунь, переселился в гостиницу к Шаоюю и выразил желание вместе с Шаоюем поступать в институт (Чжань в это время уже перешел в 4-ю среднюю школу и учился в 4-м классе). Шаоюй нашел еще одного приятеля – Чэнь Буюня (ученик Первой средней школы высшей ступени Аньцина), который рассказал:

– На том берегу реки служит в конторе по взиманию лиизиня некий Чжан Чжунью. Может быть, это тот самый, который часто гостил в твоём и моём домах и питался задарма. Пойдем, посмотрим – он ли это?

Однако, кто мог подумать, что этот господин Чжан, так любивший хвастаться своим заботливым отношением к молодежи, теперь встретил трех нуждающихся в помощи молодых людей без единой улыбки на лице, как будто совершенно забыл, что по десять дней и дольше проживал в доме Шаоюя бесплатно. Чэнь Буюнь заявил друзьям:

– А он, оказывается, мошенник!

Когда они втроем возвращались на лодке, было уже часов семь вечера. Разразился ураган, небо закрылось черными тучами. На лодке плыли два буйвола, которые на середине реки один за другим прыгнули в воду, из-за чего лодка зачерпнула много воды. Все стали вычерпывать воду, пока лодка плыла дальше. Вскоре навстречу лодке показался небольшой пароход, который в темноте не замечал лодки и шел прямо на нее. Лодочник в страхе заплакал. К счастью, у троих пассажиров лодки нашлась свежая газета, которую они сумели зажечь, как факел, и лодка не была опрокинута пароходом. Приплыв к Люаню, из-за ветра, дождя и темноты лодка не могла причалить к берегу и вынуждена была войти в какую-то маленькую заводь. Оттуда трое молодых людей пошли пешком. Добрались до постоянного двора только в три часа ночи. Вздохнув с облегчением, друзья заключили: «Денег не заняли, но жизни тоже не потеряли».

В Аньцине прожили два месяца. Шаоюй с Чжань Юйшэнем и Чэнь Буюнем стали инициаторами создания «Научного общества аньхуэйской молодежи». В Аньцине тогда были еще научные общества под другими названиями. Только по прибытии в Ухань выяснилось, что большинство из этих обществ – массовые организации под руководством комсомола.

В Высшем коммерческом училище устные экзамены принимал заведующий учебной частью училища Гэн Дань. Он спросил Шаоюя, как он относится к делу Цзян Гаоци. Шаоюй откровенно высказал свои антиимпериалистические взгляды. Гэн Дань кивал головой в знак согласия. Позже стало известно, что Гэн Дань – левый демократ. А еще позже, в 1927 году, когда Ван Цзинвэй предал революцию, очень реакционен был и гуйчжоуский милитарист Ху Цзундо – они казнили Гэн Дая, Лю Ханьцзюня и Ди Дабэя, приняв всех троих за коммунистов.

Заведующим учебной частью училища был Ван Шицзе, тоже ярый реакционер. Позже, в 1938 году, в Ухане он просил Шаоюя принять его, но ему отказали. Он был очень недоволен,

говорил Цзоу Таофэну: «А ведь Чэнь Шаоюй мой ученик». Однако он не вспоминал, что в 1925 году он уже решил было исключить этого ученика, но не посмел.

В Высшем коммерческом училище Шаоюй, Чжань Юйшэн и их товарищи расширили Научное общество аньхуэйской молодежи и создали Научное общество хэнань-аньхуэйской молодежи. Шаоюй написал проекты устава и декларации общества. Комсомолец Лян Чжунмин (родом из уезда Хоцю провинции Аньхуэй) учился в Уханьской средней школе (Дун Биу в то время преподавал в этой школе); он познакомил с этими проектами Линь Юйнаня (Линь Гэнъи) – секретаря Хубэйского окружного комитета комсомола, который поправил их таким образом, чтобы они приобрели большее политическое звучание. Шаоюй был очень удивлен после прочтения исправленных текстов и спросил:

– Откуда он такое знает?

Лян Чжунмин стал разъяснять Шаоюю, что такое «СВ» (комсомол), «СР» (компартия) и Гоминьдан, что есть страна СССР и т. д. Он также порекомендовал Шаоюю и Юйшэну прочитать такие книги, как «Манифест Коммунистической партии», «Стоимость, цена и прибыль», «Наемный труд и капитал», «Азбуки коммунизма», «Капитал» (в популярном изложении) и т. д. В дальнейшем были прочитаны еще Декларация I съезда Гоминьдана, «Классовая борьба» молодого Каутского, «История эволюции общества» (составитель Цай Хэсэн), «Три народных принципа» Сунь Ятсена и другие произведения. Регулярно стали читать журналы «Чжунго циннянь» («Китайская молодежь»), «Сяндао» («Путеводитель») и другие издания.

Тогда в Учане существовал книжный магазин «Шичжун шушэ» («Современный Китай»), созданный КПК и комсомолом. Внешне он продавал всякие книги, но работали в нем большей частью члены партии и комсомола. Этот книжный магазин сыграл большую роль в распространении революционных идей.

Линь Юйнань пригласил Шаоюя на беседу. Он предложил Научному обществу хэнань-аньхуэйской молодежи вступить в Объединенный союз молодежных организаций Хубэя. Шаоюй согласился. Линь Юйнань был избран генеральным функционером союза, а Шаоюй – функционером по пропаганде. Ян Сун (У Шаои), У Сюцюань, Пань Вэнью, Линь Бяо и др. были тогда активистами среди учащихся средних школ и их представителями, а Хуан Ли и др. представляли студентов. Чэнь Динъи во время штурма Уханя революционной армией бросал на горе Шэшань мины на артиллерийские позиции врага, был арестован и обезглавлен у Сымэнькоу. После занятия Уханя революционной армией ему поставили памятник.

Осенью 1924 г. Линь Юйнань и Лян Чжунмин рекомендовали Шаоюя в члены Коммунистический союз молодежи Китая. Внутри Научного общества хэнань-аньхойской молодежи была создана комсомольская ячейка, в которую вошли четыре комсомольца: Лян Чжунмин, Чэнь Шаоюй, Дун Ханьжу и Ляо Цзиин. Но Дун Ханьжу был отпрыском крупного помещика уезда Шуанчэн Дун Чанью, показал себя не с лучшей стороны, а впоследствии от пассивности дошел до предательства дела революции. Ляо Цзиин не участвовала в собраниях, показала себя тоже с худшей стороны. Поэтому по существу в ячейке работали лишь двое – Чжунмин и Шаоюй.

В конце 1924 г., во время зимних каникул, по возвращении в Цзиньчжай они привлекли в ряды Научного общества хэнань-аньхуэйской молодежи некоторых новых членов. Было проведено учредительное собрание общества, на котором были приняты устав, декларация и гимн Общества, – их проекты были написаны Шаоюем. Он был избран генеральным функционером (председателем), а Лян Чжунмин – функционером по пропаганде. Издавали журнал Общества, ежемесячный. Члены Общества провели определенную пропагандистскую и просветительскую работу. К летним каникулам 1925 г. количество членов Общества возросло до 80 с лишним человек. Некоторые из них позже вступили в комсомол и в КПК.

Во время летних каникул 1925 г. Шаоюй и Лян Чжунмин выезжали в уезд Гуши провинции Хэнань, чтобы привлечь в Общество новых членов. С такой же целью в уезд Шуан-

чэн выезжали Чжань Юйшэн и Ху Пэйюй. Но в обоих случаях из-за плохого знакомства с обстановкой и слишком короткого времени успехи были скромными. В уезде Гуши Шаоюй повстречал руководителя уездного управления нелегального еще тогда Гоминьдана. Этот человек позже, в 1949 г., уже после освобождения страны, прислал письмо Шаоюю, в котором он писал: «Помните ли Вы, как в 1925 г. Вы приезжали в Гуши вербовать добровольцев в Объединенную антияпонскую армию молодежи Хэнани и Аньхуэя и членов научного общества? Я тогда же вступил в эти организации, уплатил членские взносы, получил Устав. Я сообщил Вам еще, что в Гуши имеется около 100 винтовок; когда дело дойдет до восстания, мы можем принять в нем участие...».

Все это действительно было. В то время были изготовлены печать Объединенной антияпонской армии молодежи Хэнани и Аньхуэя, декларация о призыве в эту армию и другие документы, которые хранились в доме Шаоюя. Однажды его отец и мать увидели все это и были очень поражены:

– Юйчик! Вы решили бунтовать? К такому делу надо тщательно готовиться!

Дом Шаоюя стал местом встреч, обмена информацией и собраний членов Общества, а также членов партии и комсомола. Родители Шаоюя заботились об этих десятках молодых людях как о собственных детях, всячески помогали им, кормили их на выручку от заклада своих вещей, размещали их в доме, чем глубоко растрогали их. Абсолютное большинство этой молодежи позже стало коммунистами и комсомольцами. Они составили костяк руководящих кадров организации КПК, Советской власти и Рабоче-крестьянской Красной армии Погранрайона Хэнань-Аньхуэй. Чжань Юйшэн, например, стал командиром первого полка Красной армии; из упомянутых ранее дядей Шаоюя второй брат матери Юй Чэнжун был секретарем райкома партии, а третий брат Юй Чэнсюй – политруком роты Красной армии (старший из ее братьев был крестьянин и рано умер). Чжань Муэй (старший брат Чжань Юйшэна), Чжан Юйцай, Ху Пэйюй, Хуан Цилин, Хуан Цижэнь, Юань Дасюнь, Ли Цзофэй, Лян Чжунмин, Ча Жуй, Сюй Чэньян, Сюй Чэньи и многие другие. Какую работу выполнял каждый из этих людей в Советском районе, пока невозможно выяснить, но все они в то время были среди руководящего костяка, боролись за дело революции до последней капли крови.

В Высшем коммерческом училище существовало еще Землячество аньхуэйских студентов, со своим журналом «Вань гуан» («Свет Аньхуэя»), тоже выходившим раз в месяц. «Бюллетень Научного общества хэнань-аньхуэйской молодежи» и «Вань гуан» выходили более 10 номеров – вплоть до отъезда Шаоюя из Уханя в СССР в декабре 1925 г. Оба издания редактировались Шаоюем.

1925 год был первым годом Великой революции 1925–1927 гг., проходившей под руководством Компартии Китая. В Ухане очень активно выступали рабочие, учащиеся и разные слои трудящихся. Так, к годовщине со дня смерти Сунь Ятсена партийные и комсомольские организации создали митинг его памяти у подножия знаменитой Хуанхэлоу («Башня желтого аиста») с участием представителей общественности Уханя; издавали и распространяли листовки против реакционных высказываний Ху Шичжи и Чжан Тайяня. Частный Университет Чжунхуа был цитаделью националистов, его ректор Чэнь Ши обучался в Японии. В этом университете было довольно много студентов; когда они собирались на своих митингах, Шаоюй вместе с коммунистами и комсомольцами приходили к ним, разбрасывали листовки, провозглашали лозунги против национализма.

После трагических событий «30 мая» в Шанхае молодежь Уханя под руководством и влиянием партии и комсомола поднялась на поддержку антиимпериалистического и антимилитаристского движения рабочих и учащихся Шанхая, произошло Движение 2 июня в Ухане. Секретарем Хубэйского окружного комитета КПК был Цай Ичэн, который знал Шаоюя как революционно настроенного студента, комсомольца и одного из главных руководителей Движения 2 июня. В июне 1925 г. Цай Ичэн и Сюй Хун рекомендовали Шаоюя в члены Коммуни-

стической партии Китая (Сюй Хун ранее учился в Высшем коммерческом училище, по окончании которого служил директором торгового училища в г. Цзюцзян, а теперь вернулся в ВКУ вести партийную работу).

Движение 2 июня протекало в общих чертах следующим образом.

По инициативе партийных и комсомольских организаций учащиеся различных учебных заведений Учана избрали своих представителей (по два человека от каждого учебного заведения) для участия в работе «Комитета в поддержку Движения 30 мая в Шанхае». Комитет решил поднимать рабочих, учащихся и торговцев на забастовку – в знак солидарности с патриотическим движением шанхайских рабочих и учащихся. Вечером 1 июня в ВКУ было созвано собрание представителей студентов и школьников Учана. На собрании был официально создан «Комитет общественности Учана в поддержку Движения 30 мая в Шанхае». Цай Ичэн был избран генеральным функционером, а Шаоюй – функционером по пропаганде. Комитет принял решение об организации забастовок рабочих, учащихся, торговцев и уличных демонстраций в поддержку рабочих и учащихся Шанхая.

Когда в ВКУ избирали своих представителей, реакционные профессора (Ли Ханьцзюнь, Ху Чжунхэ и др.) выступили против забастовок. Шаоюй поднимался на трибуну и выступал с критикой их взглядов. Чжань Юйшэн, вскочив на трибуну, провозглашал лозунги: «Долой реакционеров!», «Долой предателей Родины!». В результате студенты с шумом прогнали профессоров-реакционеров. Шаоюй и Сюй Хун были избраны представителями от ВКУ.

Учащиеся всех высших и средних учебных заведений Учана тоже собирались в ВКУ потому, что в ВКУ была хорошая массовая база, которую составляли главным образом члены Научного общества хэнань-аньхуэйской молодежи. От пединститута требовалось тоже всего два человека, но они нарочно прислали восьмерых, причем все были националистами, которые тоже выступали против забастовок. Шаоюй вновь поднялся на трибуну, критиковал их позицию. Но они упорно стояли на своем взгляде и, в результате, тоже были изгнаны студентами.

Никто не предполагал, что эти националисты побегут к генерал-губернатору Сяо Яонаню с доносом.

В три часа ночи Сяо направил войска, которые заняли все магазины. Перед каждым магазином были выставлены по два солдата с заряженными винтовками для предотвращения забастовки торговцев.

Комитет решил выслать студенческие пропагандистские отряды для агитации среди торговцев и солдат. Предполагалось, что три дня – 2, 3 и 4 июня – будут вести пропаганду в Учане, а три дня – 5, 6 и 7 июня – в Ханькоу. Но многие студенты побоялись идти. Утром 2 июня члены Научного общества хэнань-аньхуэйской молодежи во главе с Шаоюем и Юйшэном с развернутыми знаменами первыми отправились в путь. Когда они выступали на городских улицах, солдаты приветствовали их аплодисментами. Продавцы из магазинов и некоторые лавочники угощали их чаем. Постепенно стали подходить и пропагандистские отряды других учебных заведений.

Пропаганда шла три дня подряд, охватив многие оживленные улицы и площади, на которых населению Учана были сообщены сведения об антиимпериалистической патриотической деятельности шанхайских рабочих, учащихся и широкой общественности. Однако из-за вмешательства вооруженной полиции забастовку торговцев не удалось организовать.

4 июня Цай Ичэн как представитель Хубэйского провинциального управления Гоминьдана созвал совещание представителей различных учебных заведений, на котором было принято решение вести пропаганду в Ханькоу.

5 июня члены Научного общества хэнань-аньхуэйской молодежи вновь вышли авангардом и с развернутыми знаменами направились в Ханькоу. У городских ворот Ханьян на их пути оказалась рота солдат, поставленных там на страже. Увидев студенческий пропагандистский отряд, солдаты немедленно закрыли ворота. Вышел командир взвода и заявил:

– Начальство приказало – во избежание дипломатических инцидентов не пропускать студентов на тот берег заниматься пропагандой.

Подошли пропагандистские отряды и других учебных заведений, в каждом из них было несколько десятков человек. Всего около 400 пропагандистов собралось у ворот Ханьян. Но над воротами и перед ними стояло по взводу солдат, направивших на них винтовки с примкнутыми штыками.

Построив отряды студентов, Шаоюй пошел к командиру взвода на переговоры об открытии ворот. Тем временем около них собиралось все больше прохожих и рикш. Шаоюй начал выступать перед солдатами и собравшейся массой людей, рассказывал им о трагических событиях «30 мая» в Шанхае, взывая к их патриотическим чувствам. Все улицы в окрестностях ворот Ханьян, большие и малые, были запружены людьми. Многие домохозяйки слушали Шаоюя с детьми на руках; они принесли ему табуретку, чтобы он говорил, стоя на ней. Среди слушателей то и дело раздавались аплодисменты. Члены пропагандистских отрядов, пользуясь случаем, тоже занялись пропагандой среди разных групп собравшихся, которые одобрительно относились к патриотической деятельности студентов, поддерживая их выступления аплодисментами и возгласами.

Заколебались и многие солдаты. Они опустили к земле дула винтовок, направленные было на студентов. Члены пропагандистских отрядов вместе с собравшимися горожанами требовали открыть ворота, они рыдали и плакали. Из рядов солдат вышел командир роты и, отведав выступавшему с табуретки Шаоюю поклон, спросил:

– Как ваша фамилия?

– Моя фамилия Чэнь. А ваша?

– Моя фамилия Ху. Я, ваш младший брат, во времена «4 мая» тоже был патриотом. Но теперь как человек военный не могу не подчиняться приказу начальства.

Шаоюй заявил ему:

– Воины обязаны защищать отечество и соотечественников, должны быть патриотами и защитниками народа. Ваше начальство тоже должно любить свою Родину...

В этот момент пропагандисты и зрители, подняв кулаки, скандировали:

– Солдаты-патриоты, откройте ворота!

Это было неподдельное единодушное многотысячной толпы, голос которой сотрясал всю окрестность. Комроты Ху предложил:

– Господин Чэнь, давайте условимся вот о чем: если вы распорядитесь, чтобы все пропагандисты свернули свои знамена и развернули бы их только после пересечения середины реки, то я открою ворота и пропущу вас на переправу.

Дело было в том, что по ту сторону от середины реки была уже «не его» территория. Шаоюй ответил:

– Мы можем согласиться с вашим требованием.

После краткого разъяснения пропагандистам Шаоюй скомандовал:

– Свернуть знамена!

В считанные мгновения были свернуты десятки знамен пропагандистских отрядов. Ху со своей стороны тоже отдал приказ:

– Открыть ворота!

Тот же командир взвода вытащил из кармана большой, больше 30 сантиметров длиной, ключ и отпер ворота. Собравшиеся за два часа у ворот Ханьян более 20 тысяч человек выражали свою радость, и все предлагали одно:

«Пусть первыми переправятся пропагандисты».

Но на пристани люди с парохода сказали:

– Генерал-губернатор приказал не перевозить пропагандистские отряды студентов через реку.

Студентам пришлось сесть в лодки. Но, еще не достигнув середины реки, взбудораженные члены пропагандистских отрядов развернули знамена и продвигались вперед с песней. Увидев это, войска дали три залпа из винтовок, но все выстрелы – в воздух. Неопытные студенты вначале растерялись, но после объяснения Шаоюя успокоились, продолжая движение с песней.

Три дня подряд, с 5 по 7 июня, вели пропаганду также в Ханькоу, где рабочие, служащие магазинов и патриотически настроенные жители так же, как и в Учане, горячо приветствовали студентов. Однако, с 6 числа в Учане и Ханькоу были мобилизованы многочисленные реакционные жандармы и полицейские, и обстановка еще более ухудшилась. Пропагандисты решили рассредоточиться и отправиться в рабочие кварталы. Вместе с Шаоюем к рабочим пошли Чжань Юйшэн, У Шаои (Ян Сун), Пань Вэнью, Чэнь Динъи и другие, всего восемь человек. Они могли лишь нелегально общаться с рабочими ткацкой фабрики и железнодорожниками. Рабочие рассказывали, что со времени грандиозной забастовки «7 февраля» 1923 г., резко усилился полицейский надзор, и теперь возможны лишь мелкомасштабные действия.

7 июня руководители пропагандистских отрядов собрались на совещание в храме Бога огня в Ханькоу, на котором было решено на следующий день отправиться на набережную Янцзы для агитации рабочих на забастовку. Но 8 июня, прибыв на набережную, они услышали от расквартированных там солдат:

– Сегодня расстреляли еще восьмерых рабочих. Есть приказ начальства – вас туда не пускать.

Генерал-губернатор Сяо Яонань распорядился досрочно распустить студентов и школьников на летние каникулы, немедленно прекратить подачу питания во всех вузах и школах и запретить учащимся проживание в общежитиях учебных заведений.

V. Первый раз в Советском Союзе

Вернувшись после летних каникул 1925 г. в ВКУ, Шаоюй узнал, что московский Университет имени Сунь Ятсена объявил прием абитуриентов, причем принимают как членов Гоминьдана, так и членов КПК. Первая группа коммунистов и комсомольцев должна выехать на учебу в Советский Союз в октябре. Но говорили также, что квота абитуриентов от Хубэйского провинциального комитета КПК уже заполнена. Как раз Сюй Хун снова приехал в Ухань из провинции Цзянси. Он обещал по возвращении в Цзянси зачислить Шаоюя в квоту от Цзянси.

22 октября получена телеграмма от Сюй Хуна. В ней сообщалось, что обо всем уже договорились, и Шаоюю предлагалось немедленно отправиться в Цзюцзян, чтобы затем вместе с Сюй Хуном выехать в Наньчан для оформления документов. 26 октября Шаоюй выехал из Уханя в Цзюцзян. Но по прибытии на место узнал, что Сюй Хун только что отправился на вокзал. Когда Шаоюй спешно добрался до вокзала, поезд уже тронулся. Увидев Шаоюя из окна вагона, Сюй Хун крикнул ему; Шаоюй стремительно побежал к вагону, прыгнул на ходу, а Сюй Хун подтянул его сверху, и он наконец оказался в вагоне. С удивлением смотрели на них пассажиры. Один из них сказал:

– Еще чуть-чуть, и отстал бы от поезда!

Директор наньчанской средней школы товарищ Чэнь (его имя уже трудно вспомнить) был руководителем окружного комитета партии. Он вручил Шаоюю и двум его спутникам, которые тоже направлялись в Советский Союз, два рекомендательных письма. Одно письмо было адресовано Чжу Цзицину (ответственный за набор абитуриентов от Гоминьдана), который, возможно, был председателем комиссии по набору будущих студентов. Товарищ Чэнь сказал им, что в случае возникновения трудностей они могут обратиться за помощью к товарищу Юнь Дайину (он, по-видимому, был ответственным за набор абитуриентов от КПК). Другое письмо было адресовано товарищам Вэнь Цзюаньсюэ и Фу Цинхуа, уже находившимся в Шанхае. Вэнь был руководителем среди абитуриентов-коммунистов (позже он проучился недолго в Университете им. Сунь Ятсена и вернулся на работу в провинцию Цзянси, где погиб), а Фу – руководителем среди абитуриентов-комсомольцев (какова его судьба после «культурной революции» – не известно).

Приемная комиссия в Шанхае располагалась по адресу: Хуаньлун лу, дом 24. Этот дом был пожертвован Сунь Ятсену китайцами-иммигрантами, проживавшими за рубежом Китая (хуацяо). По этому же адресу в дальнейшем проживала Сун Цинлин (*вдова Сунь Ятсена*).

Когда Шаоюй впервые пришел к Чжу Цзицину, тот сразу же заявил, что квота уже заполнена. С ним говорил Юнь Дайин, но он не давал согласия. При второй встрече Чжу по-прежнему отказывал. Споря с ним, Юнь Дайин заявил:

– Не дадите согласия – я сам пойду и договорюсь с советским капитаном.

Чжу был вынужден дать согласие.

Чжу Цзицин был одет в европейский костюм, в кожаных ботинках; на Юнь Дайине – синий хлопчатобумажный халат и такие же туфли на ногах. И внешность, и манеры у обоих были совершенно разными. Так что с первого же взгляда было ясно, кто из них гоминьдановец, а кто – коммунист. Хотя Шаоюй тогда увидел Юнь Дайина впервые.

Две недели прошли в Шанхае в ожидании. Наконец прибыл советский пароход.

25 декабря 1925 г. Шаоюй в первый раз прибыл на родину победившего социализма – Советский Союз. Тем же рейсом прибыли также Шэн Цзэминь, Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Хуан Ли, Чжан Циньцю, Чжао Фэнпэй и другие товарищи. Вместе с ними прибыли, по делам Коминтерна и Профинтерна, некоторые ответственные товарищи, например, Цай Хэсэн, Сян Цзиньюй, Ли Лисань и другие.

Шаоюй вместе с Шэн Цзэмином, Чжан Вэньтянем и другими были первой группой студентов, прибывших в Московский университет им. Сунь Ятсена. Сразу же у них начались занятия. Но официально Университет начал свою работу 14 марта 1926 г., в день второй годовщины со дня смерти Сунь Ятсена.

Вскоре Шаоюй был избран членом бюро комсомольской ячейки, ответственным за пропаганду (Шаоюю было 21 год, и он состоял одновременно в комсомоле, из которого вышел только во второй половине 1927 г.). В течение полгода (1926 г.) он помогал Университету в издании учебных пособий на китайском языке стеклографическим способом, поскольку этим производством тогда занималась только одна женщина по фамилии Марченко, которая не успевала печатывать всю продукцию. В декабре 1925 г. Шаоюй начал изучать русский язык. Спустя 4–5 месяцев он, продолжая учебу, уже работал переводчиком.

В начале 1926 г. Шаоюй возглавил борьбу против правых гоминьдановцев и против «московской ячейки» КПК. Главными представителями правых гоминьдановцев в Университете им. Сунь Ятсена были Кан Цзэ – впоследствии один из главарей гоминьдановских спецслужб (возглавлял «Общество возрождения», которое называлось «Молодежный союз трех народных принципов»); был арестован после освобождения страны, но Мао Цзэдун сохранил ему жизнь и, возможно, выпустил на свободу), Ли Бинчжун и Хэ Чжунхань (позже тоже были членами «Общества возрождения»). Эти трое ранее уже были членами «Общества изучения суньятсенизма» – антикоммунистической организации в Военной школе Вампу. Кроме них, были братья Гу Чжэнган и Гу Чжэндин, посланные Ван Цзинвэем на учебу в Германию, откуда и приехали в Москву, а в Университете их притянули к чанкайшистам. Эти пятеро и были главными правыми гоминьдановцами в Университете. Вначале они требовали, чтобы перед началом любого собрания обязательно зачитывали «Завещание Президента» (Сунь Ятсена); пытались запретить критику «трех народных принципов» и каких-либо ошибок Гоминьдана. Позже они стали тайно заниматься антисоветской и антикоммунистической деятельностью, вербовали новых членов «Общества изучения суньятсенизма». Поэтому везде и всюду приходилось бороться против них. Так продолжалось до тех пор, пока Чан Кайши и Ван Цзинвэй один за другим не предали революцию, а гоминьдановцы не уехали в Китай.

Главным руководителем «московской ячейки» КПК тогда был Жэнь Цзосюань, позже ставший известным троцкистом под именем Е Цин. Чэнь Дусю (*генсек ЦК КПК*) перевел его из Франции в Москву, чтобы он возглавил «8 боссов»²⁹. Вначале все они – 8 чэньдусююистов – слушались его, поскольку его прислал Чэнь Дусю для создания «московской ячейки КПК». В политическом плане они выступали против изучения ленинизма, советского опыта и против изучения русского языка. Свою деятельность они скрывали от советских людей. В быту они наставляли учащихся направлять свое внимание на всякие мелочи, например, какая студентка лишний раз смотрелась в зеркало, кто из студентов лишний раз причесался. Если студента и студентку заставляли за беседой, то считали, что они «крутили любовь». Всё это клеймили как проявления «мелкобуржуазности».

В то же время «боссы» утверждали, что каждый член партии – всего лишь винтик, а руководитель – мастер с гаечным ключом. Каждый день, при любой паузе в расписании занятий, собирали «летучки», на которых заставляли студентов заучивать наизусть написанные Жэнь Цзосюанем и отпечатанные олеографическим способом, объемом не более 3 тысяч иероглифов и пустопорожние по содержанию «Тезисы военного обучения» (назывались они также «Железное обучение»).

---

²⁹ «Восемь боссов» – Чжоу Давэнь, Юй Сюэун, Дун Исян, Лю Мишьянь, Хуэй Юйтан, Цэн Цзыюй, Ли Пэйцзэ и Чжан Дунсяо.

В организационном отношении они провоцировали коммунистов и комсомольцев на взаимные нападки, взаимную подозрительность; всем было предписано доверять только одному человеку – Жэнь Цзосюаню.

Все эти методы Жэнь Цзосюаня очень похожи на приемы Мао Цзэдуна, применяемые им от «Кампании по упорядочению стиля» в Яньане (с 1942 г.) до «культурной революции»; разница лишь в том, что у Жэнь Цзосюаня не было власти и армии.

Против Жэнь Цзосюаня стояло большинство членов партии и комсомола. Его положение стало критическим. По решению Коминтерна и ЦК ВКП(б) «московская ячейка» была распущена. Жэнь Цзосюань бежал из университета в Китай (Жэнь Цзосюань носил псевдоним Рафаил, поэтому советские товарищи, критикуя нравы в «московской ячейке», называли их «рафаильщиной»).

Шаоюй тогда входил в состав бюро ячейки ВКП(б) Университета им. Сунь Ятсена, отвечал за пропаганду, и одним из первых выступил против «московской ячейки». По решению бюро ячейки ВКП(б) он написал статью «Московская ячейка с разных сторон», которая была помещена в стенгазете университета. В ней с разных сторон разоблачены неприглядные подоплеки деятельности «московской ячейки», а также распространяемые троцкистами и чэньдусюистами клеветнические измышления. Позже, в 1937 году, эту статью мы привезли с собой в Яньань, где ее тоже читали. После того, как осенью 1941 г. Мао Цзэдун начал пресловутую «Кампанию по упорядочению стиля», а осенью 1941 и весной 1942 годов по его указке Ван Мина несколько раз отравляли, Мао, пользуясь случаем пребывания Ван Мина в больнице, послал своих людей выкрасть эту статью и некоторые наши записные книжки и рукописи. Мы не раз обращались к начальнику секретариата ЦК Жэнь Биши с просьбой об их возвращении. Он отвечал: «Председатель Мао распорядился эту статью и ваши записные книжки пока не возвращать вам». Но и в дальнейшем их так и не вернули нам (в начале «культурной революции» в 1966 г. Мао Цзэдун направил хунвэйбинов к нашему дому в Пекине, откуда они выкинули на улицу моих родителей и мачеху Ван Мина, унесли или предали огню множество рукописей и книг Ван Мина и моих...).

В конце 1926 г. Шаоюя избрали председателем студенческой коммуны Университета им. Сунь Ятсена. Ма Цзюнь, коммунист из дунган, был избран секретарем коммуны. Этот товарищ в конце 1927 г. вернулся в Китай на нелегальную работу, был секретарем Пекинского горкома КПК. В Пекине он был арестован и погиб смертью героя. Шаоюй тогда написал в память о нем стихи (*перевод В. Швыряева*):

Погиб мусульманин,
Замечательный сын и брат,
Герой-коммунист,
Чья доблесть не знала преград.
Тысячи тысяч
Сегодня рыдают над ним.
Скорбь близких
И мы в своем сердце храним.

Студенческая коммуна занималась не только вопросами быта учащихся, но главным образом содействовала партийной и комсомольской организациям в деле политического воспитания студентов.

Как только закончилась борьба против правых гоминьдановцев, тут же началась открытая борьба против троцкистов, против К. Б. Радека.

В Университете им. Сунь Ятсена раньше не было открытой борьбы с троцкистами, поскольку вначале она была лишь внутренним делом ВКП(б). И вот в 1926 г. Универси-

тет им. Сунь Ятсена позаимствовал у КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) конференц-зал для Торжественного заседания по случаю 15 годовщины дня «10 октября» (Синьхайская революция 1911 г.). Когда на трибуне выступал Радек (ректор Университета им. Сунь Ятсена), преподаватель КУТВ Б. З. Берман и другие провозглашали лозунги: «Долой Радека!», «Долой Троцкого!», «Мы за ленинизм!», «Да здравствует ЦК ВКП(б)!».

На следующий день Радек созвал заседание ректората Университета им. Сунь Ятсена. В нем участвовали: ректор Радек, проректор П. А. Миф (*М. Фортус*), завуч Агор, секретарь партячейки Игнатов, председатель студенческой коммуны Голубев (такой псевдоним носил тогда Шаоюй). Эти пять человек и составляли ректорат. Стенографировал на заседании Погуляев – зам. завуча и завхоз, не имевший права голоса.

Радек потребовал принятия ректоратом письма-протеста к КУТВ в связи с «обструкцией» торжественного заседания Университета им. Сунь Ятсена и «оскорблением» его ректора. При голосовании оказалось, что Миф, Агор и Игнатов были «против». Когда Радек попросил проголосовать председателя студенческой коммуны, секретарь партячейки сказал Шаоюю:

- Ты член партии, должен быть с нами.
- Я голосовать не буду, потому что не разобрался еще, – ответил Шаоюй.
- Голубев молодец! Не уяснил – не голосует, – заметил секретарь ячейки.

После заседания секретарь партячейки Игнатов подробно рассказал Шаоюю о троцкистах и борьбе с троцкистами. Он пояснил также, что ранее было решено не обнародовать этот вопрос в Университете им. Сунь Ятсена. Но теперь, с согласия ЦК партии, решено в ближайшее время развернуть эту борьбу и в Университете.

Через несколько дней было созвано для начала расширенное заседание бюро партячейки по вопросу о борьбе с троцкизмом в Университете. Из принявших в нем участие китайских товарищей, – кроме присланных Чэнь Дусю «8 боссов», – были лишь двое: Шаоюй и Шэн Цзэминь. Последний был член КПК с 1921 г., честный и прямой человек, учился тоже хорошо. Но, поскольку он не был прислан Чэнь Дусю, его не привлекали к руководящей работе в Университете; поручали ему лишь преподавание и перевод, что было неправильно. В заседании также участвовали десятки советских товарищей.

Преподаватель истории стран Запада Вокс на заседании выступил против развертывания борьбы с троцкистами в стенах Университета им. Сунь Ятсена. Он считал, что «борьба с троцкистами – внутреннее дело ВКП(б), не следует посвящать в нее иностранных коммунистов и учащихся». Шаоюй подверг точку зрения Вокса критике, назвав ее неправильной, страдающей национализмом. Только позже выяснилось, что Вокс сам был троцкист.

Все студенты тогда знали о Троцком и троцкизме лишь то, что говорилось в курсе истории ВКП(б)³⁰. О том же, как после кончины Ленина действовали в 1924–1926 гг. «новая оппозиция» и троцкисты, студенты не имели представления. Поэтому после расширенного заседания бюро партячейки было созвано общее собрание коммунистов и комсомольцев Университета, на котором секретарь партячейки Игнатов выступил с докладом о троцкизме. Так началась в Университете острая борьба против троцкистов.

В то время открытыми троцкистами в Университете им. Сунь Ятсена были: среди членов партии – Лян Ганцяо и Рой (гуандунец, китайское имя которого уже забыто), среди членов комсомола – Гао Хэн, Цзян Цзинго (сын Чан Кашли) и Лу Юань. Лян, Гао и Лу по возвращении в Китай пошли на службу к Гоминьдану. Были еще другие, до поры скрытые троцкисты.

7 ноября 1927 г., в день 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, троцкисты из Университета им. Сунь Ятсена участвовали на Красной площади в демон-

³⁰ См. также Р. С. в конце главы (с. 74).

страции троцкистов, даже в нападении на людей. Они избивали тех студентов, которые провозглашали лозунги в поддержку ВКП(б), в поддержку ленинизма.

Центральным вопросом, по которому происходила тогда дискуссия с троцкистами, была возможность построения социализма в одной стране – в СССР. Троцкисты считали это невозможным. Они, как позже Ли Лисань и Мао Цзэдун, стояли за то, чтобы Красная армия силой оружия завоевала победу мировой революции. В китайском вопросе их взгляды относительно характера, задач, движущих сил и прочих проблем китайской революции были целиком ошибочными. Они выступали также против Коминтерна (обо всем этом достаточно подробно говорилось в соответствующих решениях Коминтерна, а также в произведении И. В. Сталина «Об оппозиции»).

Борьба против троцкистов в Университете им. Сунь Ятсена продолжалась до конца 1929 г., когда Университет был расформирован.

Здесь нельзя не сказать о том, что в процессе борьбы против правых гоминьдановцев и троцкистов выявилось немало активистов среди коммунистов и комсомольцев, а вовсе не так называемых «28 с 1/2 большевиков», версию о которых сочинили троцкисты, а позже поддержал Мао Цзэдун. Насколько мы помним, а также согласно рассказам Шэн Цзэминя, Бо Гу, Хэ Цзышу, Ся Си, Инь Цзяня, У Юйчжана, Линь Боцюя и других товарищей, среди активистов борьбы против правых гоминьдановцев и троцкистов в 1926–1929 гг. были:

– из поступивших в 1925 г. – Шэн Цзэминь, Чэнь Шаоюй, Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Ян Сун (У Шаоюй), Уланьфу, Фан Инь (Фан Юньчжи), Чэнь Юаньдао, Хуан Ли (жен.), Пань Вэнью, Ма Цзюнь, Ван Ланьин (жен.), Чжао Фэнпэй (жен.), У Сюцюань, Янь Цзюньчжун, Ли Пэйцзэ (жен.), Чэнь Вэймин, Ли Цзиньюн, Чжан Циньцю (жен.), Лян Чжунмин (летом 1927 г. был переведен на учебу в военную академию), Мо Пинлань (жен.), Вэй Сюин (жен.), Цинь Бансянь (Бо Гу), Инь Цзянь, Ян Шанкунь, Чэнь Чанхао, Чжан Гошу, Тан Юйкунь, Гань Сыци (Цзян Фэнвэй), Янь Бифан (жен.), Ли Бочжао (жен.), Ли Ичао (Чжао Имань, жен.), Кай Фэн (Хэ Кэцюань), Чжан Ханьфу;

– из поступивших в 1927 г. – Хэ Цзышу, Цзэн Чжуншэн, Хэ Шухэн, У Юйчжан, Сюй Тэли, Линь Боцюй, Фан Вэйся, Мэн Циншу (жен.), Чжан Цзечжи, Пэй Цзихуа, Сюй Исинь, Сун Паньминь, Сунь Сяобао, Фу Вэйюй, Чжу Цычунь (жен.), Лю Цюньсянь (жен.), Чжу Агэн, Чжу Цзыму (жен.), Гэ Яосань, Ван Шэнжун, Тань Гофу (жен.);

– из поступивших в 1928 г. – Ся Си, Не Хунцзюнь, Цай Шуфань, Цай Цземинь, Тун Жичан.

Список этот, естественно, не является полным. Годы поступления отдельных людей в Университет тоже, возможно, не совсем точны. Но бесспорно то, что многие из них стали марксистами-ленинцами, руководителями и ответственными работниками КПК. Многие из них отдали свои жизни в борьбе с империалистами, гоминьдановцами-чанкайшистами и другими реакционерами, или стали жертвами маоцзэдуновских репрессий.

Несгибаемое мужество перед лицом врага проявили женщины – бывшие студентки Университета – Хуан Ли, Ван Ланьин, Мо Пинлань, Ли Ичао (Чжао Имань), Чжао Фэнпэй и другие. Так, Чжао Фэнпэй была варварски расчленена реакционерами из ее родных мест пятью лошадьми; Хуан Ли погибла в нанкинской тюрьме, в которой она продолжала бесстрашно пропагандировать марксизм-ленинизм и Советский Союз; Ли Ичао стала комиссаром полка в Объединенной антияпоснкой армии Северо-Восточного Китая и погибла от пули японских захватчиков, став известной всей стране героиней; Ван Ланьин была схвачена в Гуанчжоу вместе с мужем – Чжан Куньди, перед расстрелом их провели по улицам города, они во весь голос провозглашали: «Да здравствует коммунистическая партия!».

Чэнь Юаньдао, Инь Цзянь, Хэ Цзышу, Чжан Гошу и Янь Бифан длительное время просидели в тюрьме, а затем были убиты. При этом Чэнь Юаньдао, Инь Цзянь, Хэ Цзышу и другие

товарищи даже в тюрьме преподавали товарищам уроки основ марксизма-ленинизма (среди их слушателей был, например, Лю Гэпин).

Сунь Сяобао и Фу Вэйюй оба вышли из рабочих, во время Шанхай-Усунской обороны 1932 г. против японских захватчиков создавали антияпонские добровольческие отряды шанхайских рабочих и руководили ими в боях. Оба погибли смертью героя.

Шэн Цзэминь и Фан Юньчжи были замучены предателем Чжан Готоа. Цзэн Чжуншэн отличался исключительным умом и организаторскими способностями, под его руководством Красная армия Соврайона Хубэй-Хэнань-Аньхуэй одержала множество побед над «карательными войсками» Чан Кайши. Он также написал ряд военных произведений. Тоже был замучен Чжан Готоа.

Еще больше людей погибло в ходе «Кампании по упорядочению стиля» и «культурной революции» Мао Цзэдуна.

Все эти товарищи, находясь в московском Университете им. Сунь Ятсена, переименованном в конце 1927 г. в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), основательно изучали марксистско-ленинскую теорию и историю ВКП(б), активно боролись против правых гоминьдановцев и троцкистов. Они были близкими соратниками Шаоюя. Это были настоящие китайские коммунисты, китайские большевики. История борьбы каждого из них достойна специального освещения.

Зимой 1927 г., в КУТК, Шаоюй впервые познакомился со мной (Мэн Циншу).

Р. С. Ван Мин рассказывал, как один раз он видел и слушал Троцкого «вживую» (кажется, в начале учебы в Москве): после долгого ожидания всего зала вдруг резко подняли занавес над сценой, и появился Троцкий, с пышной («львиной») шевелюрой. Троцкисты в зале устроили шумную овацию – кричали, хлопали в ладоши и, что крайне удивило Ван Мина, громко стучали каблуками. О чем Троцкий говорил – не отложилось в памяти, – что-то банальное. Запомнились только театральность и истеричность действия.

VI. От Гуанчжоу до Уханя

Идя навстречу просьбе ЦК КПК, Отдел агитпропа ЦК ВКП(б) решил послать на помощь в работе нескольких советских и китайских товарищей в Китай и создал «Рабочую группу Отдела агитпропа ЦК ВКП(б) в помощь Отделу агитпропа ЦК КПК». В группу входили 8 советских и 4 китайских товарищей. Советские члены группы были: П. А. Миф (руководитель группы), Прагар, Догмаров, Г.Н.Войтинский, Петросян, Догманян, В.Н.Кучумов (он уже находился в Гуанчжоу) и еще один товарищ. Китайские – Чэнь Шаоюй (Голубев), Янь Цзюньчжун (Желтов), Пань Цзячэнь (Клюев) и Лю Гочжан (Фогель).

Основными задачами рабочей группы были две. Первая – помочь ЦК КПК наладить издание ежедневной газеты (для основания этого предприятия группа имела при себе 50 тыс. долларов). Вторая – создать курсы подготовки рабоче-крестьянских военно-политических кадров. Время обучения на этих курсах предполагалось от 3 до 6 месяцев, контингент – от 3 до 5 тысяч человек, которые по окончании курсов должны стать костяком для расширения революционной армии, руководства вооруженными формированиями крестьян и проведения аграрной реформы. По окончании работы 4 китайские товарища вернутся в Университет для продолжения учебы.

В начале 1927 г. Шаоюй был принят в члены ВКП(б). В начале февраля 1927 г. рабочая группа отправилась в путь, вначале из Москвы во Владивосток. Советские герои-моряки проложили особый морской путь от Владивостока до Гуанчжоу. По нему рабочая группа прибыла в Гуанчжоу к 20 марта. Здесь группа работала больше 10 дней, кое-что успела увидеть и узнать.

В конце марта проводился 200-тысячный массовый митинг, в котором участвовали не только рабочие и торговые служащие, но также более 20 тысяч крестьян из пригорода Гуанчжоу, многие крестьянки пришли на митинг с детьми на спине. Однако профсоюз механиков Гуанчжоу оставался в руках реакционеров во главе с У Течэнем, завоевать его на нашу сторону не удалось. На митинге рабочие-механики стояли в стороне со знаменем, на котором изображено зубчатое колесо. Они всегда были не вполне сплочены с большинством рабочих, то и дело затевали конфликты. Поэтому не случайно, что позже они были использованы реакцией для подавления Кантонской коммуны. Вначале намечалось, что рабочая группа пешком пройдет через провинцию Цзянси до Уханя, чтобы по пути понаблюдать за обстановкой в деревне. Однако в начале апреля из Шанхая была получена телеграмма от Генерального консульства СССР о том, что в политической ситуации в стране, возможно, произойдут перемены, в Гуанчжоу поэтому нельзя надолго задерживаться, и следует поскорее прибыть в Ухань. Одновременно секретарь Гуандунского провинкома КПК Му Цин и начальник тылового управления армии Северного похода Сунь Бэньвэнь тоже предупредили, что ситуация в городе неустойчива. На улице висели прокламации взаимоисключающего содержания, среди них были и антикоммунистические. Были прокламации Чан Кайши от 20 марта 1926 г. против коммунистов, но были и его же прокламации от 5 мая того же года с признанием своих «ошибок». Прогрессивные армейские части – 3 дивизии корпуса Чжан Факуя (Е Тина, Цай Тинкая и Цзян Гуанная) отправились в Северный поход, в тылу остались лишь части Ли Цзишэна.

Поэтому после контрреволюционного переворота Чан Кайши «12 апреля» в Шанхае Ли Цзишэн совершил контрреволюционный переворот «15 апреля» в Гуанчжоу, что не было случайным.

1. Через преграды и опасности

Рабочая группа покинула Гуанчжоу 9 апреля, а прибыла в Шанхай 14 апреля, поэтому о перевороте «12 апреля» она еще не знала.

В Шанхае советским судам никогда не предоставляли пристани, поэтому пришвартоваться к берегу советский корабль не мог. Он бросил якорь посередине Янцзы, к востоку от Шанхая – за районом Яншупу. Отсюда до берега надо было еще добираться на лодке. Не дожидаясь прибытия представителя советского Генконсульства, Миф распорядился, чтобы 4 китайские товарища первыми поднялись на берег; хотя все четверо не знали еще о перевороте «12 апреля» и плохо знали вообще обстановку в Шанхае.

Вчетвером они наняли лодку и, следуя совету лодочника, поплыли в сторону Цзянваня, чтобы подняться на берег, на улицу Цзюньгун. Хотели поехать дальше на такси в городское правительство, но долгие поиски машин были безуспешными, поэтому они вынуждены были нанять четыре рикши.

Находясь в Гуанчжоу, они знали только о том, что 20 марта шанхайские рабочие подняли третье восстание и победили. Товарищ Ло Инун после восстания стал мэром Шанхая. Поэтому теперь Пань Цзячэнь предложил: поскольку он лично знает Ло Инуна, надо прямо идти в городское правительство. Шаоюй же хотел сперва съездить к своему дальнему родственнику – дяде Чэнь Юлу, учителю средней школы при Хуцзянском университете, что как раз в районе Яншупу, и узнать у него обстановку в городе. Но Пань Цзячэнь настаивал на поездке прямо к городскому правительству, и все с ним согласились.

Неожиданности начались в английском сэттльменте, где полицейские трижды спрашивали: «Откуда?». Рикша Шаоюя шла первой, и первый раз он ответил:

– Из Хуцзянского университета!

На втором и третьем заслонах спрашивали: «Проверяли?». Отвечали: «Проверяли!».

Выйдя из английского сэттльмента, попали во французский, где так же спрашивали: «Откуда? Проверяли?». Отвечали: «Из Хуцзянского университета. На английском сэттльменте уже проверяли!».

Преодолев таким образом два заслона на Французском сэттльментте, достигли, наконец, китайского квартала. Пока рикши проходили через английский сэттльмент, из-за широты улицы невозможно было различить содержание прокламаций на стенах. На французском сэттльменте улица была узкой, и можно было понять, что прокламации были совершенно противоположны друг другу. Были лозунги времен третьего восстания шанхайских рабочих: «Коммунистическую партию Китая поддерживаем!», «Да здравствует победа третьего восстания шанхайских рабочих!», «Добро пожаловать, главком Чан Кайши!» и т. д. Но висели также лозунги, появившиеся после «12 апреля»: «Ликвидировать всех коммунистов!», «Коммунистов расстреливать на месте!» и т. п. Поэтому, прибыв в китайский квартал, Шаоюй предложил не ходить к городскому правительству, поселиться пока в ближайшей гостинице, разобраться в обстановке, а затем принять решение.

Как только остановились в гостинице, Пань Цзячэнь беспечно спросил:

– Хозяин! Где находится городское правительство?

Хозяин ответил с суровой неприязнью:

– Не знаю!

Шаоюй немедленно вышел на улицу и купил свежий номер газеты, из которой узнали наконец, что ситуация в корне изменилась. Все четверо срочно запихнули в гостиничный шкаф книги на русском языке и тетради с записями, сделанными во время учебы в Москве, которые занимали большой чемодан. Шкаф затем заперли, а ключ унесли с собой. В освободившийся

чемодан переложили часть одежды, – внешне по-прежнему у каждого было по два чемодана. Снова наняли рикши и отправились в путь.

Но куда идти? Сняли номер в другой гостинице, а затем тут же переселись в третью... Так за день поменяли пять гостиниц, но все еще не вышли из китайского квартала. Только они поднялись наверх в пятой гостинице, как услышали, что внизу вошел человек и поинтересовался:

– Не приходили ли к вам четверо в европейской одежде?

Тут же все они, оставив при себе только деньги и забросив все вещи, бежали через черный ход из гостиницы. Добежав до улицы Сымалу на английском сэттльменте, остановились в маленькой гостинице. Шаоюй позвонил своему дяде, преподававшему в средней школе при Хуцзянском университете, и тот немедленно прибыл к ним. Он рассказал им всю историю третьего восстания шанхайских рабочих и контрреволюционного переворота «12 апреля». С уважением и сожалением рассказал он:

– Я был в городском правительстве, видел вашего мэра Ло. Вот это действительно был народный мэр. У него ничего не было, только длинная деревянная скамейка. Какая скромность! К сожалению, эта власть просуществовала только 22 дня!

Дядя Шаоюя вышел на улицу и купил всем четверым китайскую одежду, а также чемоданы, туфли, носки и т. д., собрал снятые ими с себя советские костюмы; помог им, таким образом, изменить внешний облик.

2. Капитан-реакционер

15 апреля купили билеты на английский пароход, идущий в Ханькоу, по 5 юаней за каждый билет. К отходу парохода 18 апреля стоимость каждого билета уже возросла до 25 юаней. На пароходе было множество людей в рабочей одежде. Когда контролеры проверяли билеты, эти люди сказали, что у каждого из них было только по 5 юаней, 25 юаней ни кого не было. В результате англичане с палками в руках выгнали всех рабочих с парохода. Шаоюй очень переживал за этих людей, потому что было видно, что эти рабочие были нашими товарищами, которым нельзя было оставаться в Шанхае, и поэтому каждому из них было выдано по 5 юаней, чтобы они могли добраться до Уханя. Но проклятый английский капитан повысил стоимость билета до 25 юаней, а затем безжалостно выгнал их с корабля.

Этот английский пароход сопровождали два военных корабля – американский и английский, поскольку в районе Нанкина еще продолжались сражения между Сунь Чуаньфанем и Чан Кайши. Когда пароход находился километров за 30 до Цзюцзяна, Ли Лисань, Чжэнь Чаоминь и другие запели «Интернационал», который подхватили почти все пассажиры на корабле. А Пань Цзячэнь, распевая, еще пустился плясать «лезгинку». Шаоюй и Лю Гочжан напомнили ему: надо быть осторожнее, а то англичане могут вернуть пароход в Шанхай. В ответ Пань бросил им:

– Вы просто трусы!

Но, прибыв в Цзюцзян, пароход встал на 5 часов, отказываясь следовать дальше. Когда 22 апреля прибыли в русский селтльмент в Ханькоу и нашли Мифа с советскими товарищами в гостинице, выяснилось, что они приплыли на том же пароходе. Но они находились в верхних купейных каютах, поэтому в пути их не видели. Пань Цзячэнь с чувством обиды стал жаловаться Мифу. Но Миф сказал:

– Вы, Клюев, неправы. А Голубев прав – пароход чуть было не вернули в Шанхай!

Присутствовавший здесь М. М. Бородин рассказал:

– Этот английский капитан – ярый реакционер. Он как услышал, что вы поете «Интернационал», послал телеграмму английскому генконсулу в Шанхае с просьбой разрешить ему вернуть пароход в Шанхай. Генконсул не дал согласия. Капитан попросил тогда генконсула запросить английское посольство в Пекине. Посольство ответило: «Действуете по своему усмотрению». Наконец генконсул решил: пароход в Шанхай не возвращать. Если бы генконсул согласился вернуть его в Шанхай, всем вам пришел бы конец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.